

Андрей Ливадный

**КОНТРОЛЬНЫЙ
ВЫБРОС**

Апокалипсис-СТ

Андрей Ливадный
Контрольный выброс

«Автор»

2009

Ливадный А. Л.

Контрольный выброс / А. Л. Ливадный — «Автор»,
2009 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-699-32344-9

Если ты один раз попал в Зону Отчуждения, она не отпустит тебя уже никогда. Вот и бывший сталкер Штопор, давно покинувший окрестности Чернобыля, решает вернуться, чтобы забрать из тайника на Кордоне оставленный когда-то хабар. Много изменилось в Зоне за время его отсутствия, поэтому Штопор нанимает в проводники двух опытных сталкеров – Инока и Гурона. Они еще не знают, что подписались на смертельно опасное предприятие, в котором противостоять им будут спецслужбы, военные и легендарная сталкерская группировка «Монолит». А у самого Штопора имеется тяжелая и мрачная тайна, которая опаснее, чем все мутанты и коварные ловушки Зоны...

ISBN 978-5-699-32344-9

© Ливадный А. Л., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Ливадный

Контрольный выброс

Пролог

Высокий мужчина плотного телосложения, одетый в потертые джинсы и черную кожаную куртку, появился на окраине населенного пункта N незадолго до наступления комендантского часа.

На дворе стояла ранняя осень, в прозрачном стылом воздухе парили невесомые паутинки, и солнцезащитные очки незнакомца, скрадывающие черты лица, смотрелись несколько неуместно. Впрочем, он ненадолго задержался на улице, проделав короткий путь от автобусной остановки до придорожного кафе энергичным, размашистым шагом, не вызвав интереса у редких прохожих, также спешивших по своим делам.

Завидев появившийся у ближайшего перекрестка военный патруль, он быстро поднялся по ступеням обшарпанного крыльца, над которым красовалась выцветшая вывеска с нечитаемым названием. Войдя внутрь, он огляделся, прошел к стойке бара, с минуту терпеливо ждал, пока бармен соизволит выйти из подсобки, затем перекинулся с ним парой слов, заказал пиво и, сразу же расплатившись, направился к единственному занятому столику, за которым ужинали двое сталкеров.

Безошибочный вывод незнакомца относительно рода их занятий основывался на нескольких простых наблюдениях. Во-первых, несмотря на пустой зал, эти двое заняли самый дальний столик – с таким расчетом, чтобы за спиной оказалась глухая стена, а витринные окна и вход в кафе постоянно находились в поле зрения. Во-вторых, скупые жесты и внимательные, цепкие взгляды выдавали их постоянную внутреннюю готовность к немедленному действию, свидетельствуя, что большую часть времени они проводят среди смертельно опасных пространств Зоны Отчуждения.

«Сталкеры-одиночки», – мысленно поправился незнакомец, нарочито медленно пересекая зал. Интересный типаж. Внешне – полная противоположность друг другу. Щека одного рассечена глубоким шрамом. Темные волосы зачесаны назад, нос прямой, глаза карие, черты лица грубоватые, подбородок массивный. Ясно, что в деле он чаще работает на рефлексх, полностью доверяя чутью.

Второй сталкер резко отличается от своего товарища, по крайней мере внешне. Короткие светлые волосы, глаза с холодным, серо-зеленоватым отливом зрачков, черты лица тонкие, аристократичные, выбрит на удивление гладко, в бою наверняка лидер, просчитывающий ситуацию на ход вперед.

– Не помешаю? – Незнакомец остановился, снял темные очки, что следовало расценивать как жест доброй воли, и, не дожидаясь приглашения, передвинул стул, устроившись сбоку от столика, чтобы не блокировать обзор.

– Ничего не попутал? – Один из сталкеров, тот, что со шрамом, хмуро, без интереса посмотрел на незнакомца.

– Мне нужен проводник.

– Туристов не водим, – спокойно, но категорично отрезал светловолосый.

– А я не турист. Два года в Зоне не был. Решил вернуться, но тут, говорят, все сильно изменилось.

Сталкеры молча переглянулись, затем один из них достал из внутреннего кармана куртки свой ПДА.

– Говори.

– Штопор, – представился незнакомец, прекрасно понимая, о чем идет речь. Его личность могла быть проверена только через локальную сталкерскую сеть, причем при положительном результате все вопросы к нему автоматически снимались – он мог рассчитывать на помощь, в разумных пределах и за разумную плату, разумеется

Тускло осветился миниатюрный дисплей.

– Штопор, значит? – Светловолосый сталкер внимательно сравнил полученный из сети архивный снимок с сидящим подле него оригиналом, при этом на его лице не отразилось никаких эмоций. – Когда в последний раз был в Зоне?

– В июле десятого года.

– Ходят слухи, что в ту пору группа сталкеров искала тропу, ведущую к Припяти, в обход Радара. Это так?

Штопор кивнул.

– Кто еще ходил с тобой?

– Брокер, Карась и Глобус. Они погибли.

Сталкер ввел запрос, сверился с поступившими данными, затем выключил ПДА и произнес:

– Будем считать, что знакомство состоялось. Я – Инок.

– Гурон, – без особого энтузиазма представился второй.

– Так что? – Штопор чуть подался вперед. – До Кордона проведете?

– Мы собирались выйти через час. – Инок сцепил пальцы рук в замок, исподлобья взглянул на Гурона, уловил сомнение в его ответном взгляде и добавил: – Экипироваться не успеешь.

– Не проблема, – ответил Штопор. – У меня тайник на Кордоне.

– Давно ты в Зону не ходил, – Инок усмехнулся. – Это раньше периметр как решето был. Теперь плотно закрыли. Без специальной экипировки уже не пройдешь. – Он на секунду задумался, потом кивнул: – Ладно. Есть у нас третий комплект снаряжения. Только предупреждаю сразу: идем без оружия, рубеж военных проходим тихо, в указанном мной месте. Никакой стрельбы. С тебя – полное подчинение, пока не окажемся на Кордоне, и десять штук за комплект спецэкипировки.

Штопор кивнул, практически не задумываясь. Похоже, что деньги его в данный момент не очень-то интересовали.

– Почему без оружия? – все же напрягся он.

– Меньше риска. У нас правило такое: если военные взяли – не брыкаемся, косим под «туристов». Денек поддержат – отпустят. А ствол при тебе найдут – шлепнут на месте.

– Серьезно? Вот так все круто теперь? – искренне удивился Штопор.

– Полгода назад ввели жесткую блокаду отчужденных территорий, – пояснил Инок. – У группировок свои коридоры, а вольным сталкерам приходится туго.

– Значит, без оружия... – Штопор выглядел озадачено. – А в Зоне как? А на мутантов нарвемся? Или на бандитов?

– Сразу за рубежом у нас тайники, – успокоил его Инок. – Поделится с тобой из личных запасов. Голым не оставим.

– Из уважения к старшим? – сощурился Штопор.

– В память о погибших, – внезапно помрачнев, ответил Гурон, не проронивший до этого момента ни слова.

Инок удивленно покосился на товарища, но комментировать его реплику не стал. Лишь мысленно взял на заметку: спросить при случае, с чего вдруг такая реакция.

– Если согласен с поставленными условиями, то пошли, – произнес он, обращаясь к Штопору. – Задерживаться нельзя, скоро темнеть начнет.

Часть первая

Хаос

Глава 1

Двойной прорыв

Граница Зоны Отчуждения. Тридцать четвертый сектор

Свежая вырубка в лучах предзакатного солнца выглядела вполне безобидно: пни, зеленый ковер мха, кое-где – порывшие листья, опавшая хвоя, веточки брусники с неспелыми ягодами, потемневшие прошлогодние еловые шишки.

Идиллия. Будто не тут начинается ЗОНА. Хотя, если быть честным, две недели назад периметр проходил не здесь, а километрах в двух от просеки...

– Смотри, как обосновались... – с нотками раздражения произнес Гурон, плотнее прижимаясь к земле. Ни один мускул не дрогнул на располосованном шрамом лице, лишь взгляд сталкера медленно скользил вдоль вырубки, подмечая детали. – Инок, ты знал о новом рубеже?

– Знал, – лаконично ответил второй сталкер. – Пройдем, не дергайся, – добавил он, аккуратно натянув на голову капюшон маскхалата. Тонкая ткань, прошитая металлизированными нитями, на самом деле являлась сложным маскирующим комплексом, созданным на основе нанотехнологий. Экипировка экранировала тепло человеческого тела, вводила в заблуждение детекторы движения и емкостные датчики. Для Зоны она, конечно, не годилась, но преодолеть рубеж периметра, оборудованный средствами электронного обнаружения, не имея адекватной защиты – попросту нереально.

– С виду обычная противопожарная вырубка, – шепотом сообщил свое мнение Штопор.

– Помолчи, – тихо посоветовал ему Инок. – Наблюдай.

Штопор обиженно засопел. Надо сказать, его неуживчивый характер начал проявляться еще на подступах к границе Зоны. Он заметно нервничал, тщетно пытаясь сохранить имидж знающего себе цену ветерана.

Солнце багряной каплей коснулось горизонта.

– Прилипли, блин, к земле... – вновь подал голос удачливый сталкер, промотавший добытое несколько лет назад состояние и решивший вернуться туда, откуда начинал. – Чего ждем?..

– Я же сказал тебе – порядки изменились, – не поворачивая головы, терпеливо, без раздражения пояснил Инок. – Теперь табличек типа: «Стоять! Огонь открывается без предупреждения!» уже не ставят. Сначала очередь в голову, потом все остальное. Смотри правее кривой сосны.

Штопор сощурился.

– Сожри меня Зона!.. – хрипло выругался он. Все же после долгого перерыва, проведенного на заслуженном отдыхе, его взгляд стал не таким острым, как прежде, да и не устанавливали в его времена подобных заграждений.

В направлении, куда указал Инок, смутно, сливаясь с хвоей, едва приметно просматривался контур караульной вышки, накрытой маскировочной сетью, от нее вдоль края вырубки тянулись выкрашенные специальной краской, распущенные спиралью нити колючей проволоки с лезвиями вместо шипов, чуть ниже в траве притаились неприметные растяжки, связанные с взрывателями сигнальных и противопехотных мин.

– Немцы. Аккуратный народ, – не найдя прохода в сплошном заграждении, с досадой произнес Гурон.

– Не понял? – Штопор озадаченно почесал переносицу. – А немчуру сюда каким ветром занесло?

– Международным, – неохотно ответил сталкер, продолжая визуальный поиск несуществующей лазейки. – Ты что, забыл, какие деньги вращаются в торговле артефактами? Каждому охота свой кусок урвать. Вот и думай, почему периметр теперь стерегут коалиционные силы. Внешне все благопристойно: мировое сообщество на страже цивилизации. – Он сплюнул в траву. – А на самом деле проплаченные коридоры для своих. Бизнес...

Ветеран некоторое время молчал, затем не вытерпел, спросил шепотом:

– А зачем через немецкий сектор ответственности идем? Неужели с братьями-славянами не договорились бы?

Инок хотел было цыкнуть на разговорчивого попутчика, но все же пояснил:

– Немцы бдительны, но предсказуемы. А братья-славяне всегда что-нибудь да отмочат. Например, я с начальником караула договорюсь, он коридор обозначит. Ночью по тропе ползешь – а там дембеля на троих соображают. Не спится им. Что же – убивать? Я так уже пару раз нарывался.

Солнце скрылось за деревьями. Сумерки начали сгущаться, но против ожидания прожектора не зажглись, мрак постепенно поглощал пространство леса, дополнительно маскируя и без того надежно скрытый от посторонних глаз сектор периметра Зоны Отчуждения.

Заметно похолодало. Ветер усилился, небо начало затягивать тучами.

– Ну, что лежим? – вновь занервничал Штопор. Сиплый шепот бывшего сталкера прозвучал в сумеречной тишине неожиданной, явно чуждой нотой, совсем не похожей на шелест травы, шум ветра или невнятный шорох древесных крон.

Гурон неодобрительно покосился на него, но от замечаний воздержался.

«Будет выкорчевываться – пошлем вперед. Пусть отомкнет нам периметр, раз такой умный и суетливый».

Инок несколько раз глубоко вдохнул, затем тихо, едва шевельнув губами, произнес:

– Озоном пахнет. Не к добру...

Гурон молча кивнул. У самого вот уже минуту как мурашки вдоль спины ползают. Что-то надвигалось из глубины Зоны.

Даже Штопор притих, словно прочитал мысли относительно своего ближайшего будущего.

В сумраке тускло вспыхнул экран ПДА. Инок прикрыл его ладонью, некоторое время смотрел на отобразившуюся схему, затем указал направление:

– Пять метров правее кривой сосны. Ложбинка. Там укроемся...

Штопор хотел спросить, как все же преодолевать рубеж, но, подумав, воздержался. Тревожно на душе. Мутно. Особенно напрягало отсутствие оружия. В таком состоянии лучше довериться проводникам.

Они поползли через вырубку. В сгущающейся тьме от немедленного обнаружения их спасала лишь нарочитая медлительность движений да особая ткань маскхалатов, блокирующая работу приборов ночного видения. Жуть накатывала волнами, мрак казался липким, тишина – зловещей, но до заветной ложбинки, обозначенной Иноком, поползли без потерь.

– Все. Затихли. Дальше мины. Ждем.

Гурон отполз чуть правее, знаком указав Штопору на левый фланг.

Оказывается, вырубка – лишь внешняя, видимая часть периметра. За растянутой сквозь кустарниковый подлесок спиралью Бруно меж деревьев было немного светлее. Там виднелись армейские палатки, чуть дальше начиналась накатанная проселочная дорога, из-за укрепления, выложенного мешками с песком, в ночной мрак смотрел ствол MG-36.

Штопор рискнул приподнять голову, вытянул шею и увидел Зону – почти сразу за границами лагеря растительность резко сходила на нет, будто кто-то специально обработал

землю отравляющими веществами. Там, среди корявых, высохших древесных стволов и голых, сбросивших листву кустарников вилась ухабистая проселочная дорога. Рассмотреть фрагмент окрестностей Штопору позволил мечущийся отсвет фар приближающейся машины.

Больше он ничего увидеть не успел. Твердая рука Гурона непочтительно уткнула ветерана носом в землю.

Штопор притих, лишь в глазах его блеснул бешеный огонек. «Зона большая, сочтемся», – мысль во взгляде читалась недвусмысленная, вот только Гурон уже отвернулся, исподлобья наблюдая за происходящим.

Военные засуетились. Коммуникационный комплекс, установленный в штабной палатке, оказался включен на громкую связь, и сталкеры, затаившиеся у минного заграждения, услышали искаженный помехами голос:

– Сектор тридцать четыре, к вам движется проверяющий. Повторяю: проверяющий офицер из штаба коалиционных сил.

– Твоя работа? – усмехнулся Гурон.

Инок лишь пожал плечами, продолжая наблюдать. На риторические вопросы он не отвечал.

Через минуту на небольшую площадку перед укреплениями лихо вкатился «UAZ-PATRIOT» усиленного армейского образца. Водитель резко притормозил, чудо постсоветского автопрома вальжно качнулось на подвесках, затем фары погасли, громко хлопнула расхлябанная дверца, а спустя пару секунд из сгустившегося сумрака внезапно появилась зловещая тень.

– Stehe! Wer geht?!¹ – Нервно выкрикнул один из бойцов, красноречиво поведя стволом MG-36.

Тень бесстрашно шагнула на пулемет, подозрительно покачнувшись, но затем в ослепительном свете включившихся на вышках прожекторов, скрестивших лучи на припозднившемся визитере, стало ясно: это не мутант и не призрак, а всего лишь подвыпивший полковник из штаба объединенных международных сил.

– Проверка! – зычно рявкнул он. – Почему подпускаете машины к рубежу?! Пулеметом в меня не тычь, салага!

Из-за палаток появился лейтенант. Завидев полковника Огурцова, с которым ему частенько приходилось встречаться в штабе группировки, он непроизвольно вытянулся в струнку, затем, видимо, поняв, что проверяющий изрядно пьян, решил блеснуть знанием языка:

– Извините, господин полковник. Мои люди с трудом узнавать вас. Как это говорится в пословица? Ночью вся кошка серая?

Огурцов смерил лейтенанта презрительным взглядом, затем ухмыльнулся:

– Ночью в Зоне все кошки – зомби... – Покачнувшись, полковник икнул и вдруг сорвался на крик: – Лейтенант, мать вашу, почему подпускаете подозрительный объект к рубежу?!

Инок чуть приподнял голову, затем, пользуясь моментом, пока внимание часовых сосредоточилось на орущем полковнике, ужом скользнул до ближайшей растяжки, быстро обезвредил ее и подал рукой знак – «за мной».

Гурон и Штопор ползком преодолели дезактивированный участок минного заграждения, оказавшись рядом с Иноком, который под зычный бас полковника, отчитывающего нерадивого лейтенанта коалиционных сил, уже успел сделать подкоп под свитой в спираль «колючкой».

– Куда дальше? – шепотом спросил Гурон.

– Под вышку, – тихо выдохнул Инок.

¹ Стой! Кто идет?! (нем.)

Прижимаясь к земле, они по одному миновали лаз, оказавшись по другую сторону заграждения. Под вышкой, на которую указал сталкер, росла высокая трава. Затаившись, они продолжали наблюдать, как Огурцов, вдоволь наоравшись, направился назад, к машине.

Лучи прожекторов скрестились на внедорожнике, выхватывая из тьмы столь необходимые сейчас подробности. От Зоны участок периметра отсекала линия надолбов, по которым были протянуты спирали «колючки», дальше, среди высохших деревьев, наверняка располагалось еще одно минное поле. Разрыв в сплошном рубеже просматривался лишь один – грунтовая дорога, которую контролировали укрепленные огневые точки.

Пользуясь моментом, пока взревевший двигатель надежно глушил все иные звуки, Инок наметил дальнейший план действий:

– Метрах в двадцати, левее вышки – ложбина, по ней ручей течет. Там ограждение проходит сантиметрах в семидесяти над руслом. Мин и датчиков нет.

– Это тебе полковник нашептал? Сколько отстегнул ему за концерт? – одобрительно прошипел Штопор.

– Ящик водки. – Инок как всегда был лаконичен.

* * *

Машина полковника Огурцова скрылась в непроглядной ночи, охрана периметра, потревоженная неурочным визитом «проверяющего», понемногу успокоилась, свободная смена разбрелась по палаткам, погасли прожектора на вышках. Часовые, экипированные по последнему слову техники, снова уставились на мониторы мобильных тактических комплексов.

На окраине Зоны обычно царило относительное спокойствие. Здесь не сбоила связь, нормально работали электронные приборы, не возникали аномалии, мутанты не забредали сюда в поисках поживы, разве что грезились в кошмарных снах. В итоге личный состав гарнизона имел весьма смутное представление о происходящих внутри отчужденного пространства событиях. До солдат и младших офицеров доходили лишь сильно искаженные слухи, источником которых являлись промышляющие по закрайкам Зоны бандиты – отморозки всех мастей и национальностей, сбивающиеся в стаи, но предпочитающие не конфликтовать с военными.

Иное дело – наемники, военные сталкеры и подразделения спецназа: они часто совершали глубокие рейды, Зону знали не понаслышке, но разбрасываться информацией не любили...

Инок усмехнулся своим мыслям.

Полковник – чудило. Брякнул же о кошках-зомби. Вот теперь очередной слух поползет, как пить дать, может, даже ученые заинтересуются, выставят в местной сети заказ на энное количество мутировавших представителей семейства кошачьих. Инок отлично знал, что нет в Зоне кошек, иначе разве плодились бы крысы да крысиные волки в таких невероятных количествах? Нет. Умные животные ушли с зараженных радиацией территорий еще после первой аварии.

Мысли Инока нарушило сопение Штопора.

Обламывается ветеран. Сопит, но терпит, с глупыми вопросами больше не лезет. Почувствовал знакомый ветерок, вспомнил былое.

Инок внезапно насторожился.

Ветер...

Он чуть приподнял голову, вглядываясь в сумрак. Чистое небо затянуло облаками. В свете вспыхнувшего вновь прожектора, медленно кружа, летели листья.

Летели против ветра...

Гурон тоже ощутил напряжение, медленно повернул голову, взглядом спросил: «Что»?

– Ищем укрытие!.. Быстро!.. – Инок привык доверять интуиции, она ни разу не подводила его. Видно, на изуродованных аномальной энергией, полных смертельных опасностей территориях просыпалось что-то древнее, подсознательное.

– Прорыв отменяется? – нервно спросил Штопор.

– Повременим. – Инок повернул голову, встретился взглядом с ветераном и все же пояснил: – Воздух тревожный. Что-то грядет...

* * *

Укрытие нашлось неподалеку.

Метрах в пятнадцати от вышки, за палатками, в землю вросло несколько нагроможденных друг на друга железобетонных плит. Откуда они взялись в лесу, догадаться было несложно: раньше тут проходила проселочная дорога, вон и рама грузовика ржавеет среди пожухлого кустарника... Видать, еще со времен первой катастрофы.

Инок указал на узкий, неприметный лаз, уводящий под землю. Незамысловатый схрон, замаскированный порывевшим дерном и кучей подгнившего валежника – явление вполне заурядное. Пройти мимо бетонных плит, и не воспользоваться ими, полениться и не выкопать себе убежище, где можно переждать не только непогоду, но и выброс, для нормального сталкера немислимо. Многие называют такое поведение синдромом Зоны. А вот для военных наличие под замшелыми плитами скрытого пространства вовсе не очевидно. Они даже не удосужились проверить углубление, приняв его за старую звериную нору.

Мимо, метрах в двух от сталкеров, медленно прошел часовой.

Они вжались в землю, сливаясь с пожухлыми листьями. Шаги постепенно отдалились. Инок приподнял голову, осмотрелся, затем взглянул на небо и невольно вздрогнул. По серому подбрюшью низких, давящих облаков металась беззвучная, пока еще бледная, но уже отливающая зловещим багрянцем сполохи – верный признак приближающегося выброса.

– Гурон, проверь лаз.

Штопор, которому пришлось сжать зубы, уткнуться лицом в прелую землю, чтобы побороть рефлекторное желание броситься на проходившего мимо часового, приподнял голову, проследил за напряженным взглядом Инока, заметил отсветы и вдруг хищно оскалился, будто на мгновение превратился в зверя.

Справившись с секундным наваждением, он сипло выдохнул:

– Где-то за Припятью...

Гурон уже убрал сухие ветки, расширил лаз и протиснулся внутрь скрытого под плитами пространства.

Часовой развернулся и неторопливо пошел назад, к палаткам.

Инок и Штопор вновь вжались в землю, невольно считая мягкие, вкрадчивые шаги. Вот они прошелестели мимо, затем начали удаляться.

«Пронесло...» – рука Инока отпустила рукоять ножа.

В напряженной тишине раздался шорох.

– Порядок... – Шепот Гурона показался Штопору громче выстрела. – Спускайтесь.

– Ты первый. – Инок взглядом указал на лаз.

Под плитами оказалась вполне просторная землянка, в центре даже был установлен подпирающий столб, а на уровне почвы проделано несколько оплывших, заросших травой амбразур.

Инок задержался в узком лазе. С трудом развернувшись, он вытянул руки, сдвигая на место сухие ветки, маскирующие схрон.

– Ну что, попали мы, да? – Штопора слегка трясло.

Гурон включил ПДА. Тусклый свет дисплея разогнал царящий вокруг мрак, скупое подсветил бледные лица сталкеров.

– Не понимаю. – Он несколько раз переключил режимы, заблаговременно убрав звук сигнального устройства. – Уровень аномальной энергии растет! Сеть отрубилась. Но ведь до выброса еще пять суток! – громким шепотом сообщил он.

– Ты небо видел? – Штопор присел на корточки. – Куда теперь? – Он посмотрел на Гурона, затем на Инока. – Военных надо валить! Возьмем оружие, экипировку, а то сидим как голые в этом тряпье! – Он начал стягивать с себя маскхалат.

– Амбразуру им заткни, – посоветовал Инок. – И не дергайся. Внеплановый выброс – еще не конец света. Сюда только слабое эхо докатится. Переждем, пока все уляжется, потом дальше двинем. До тайников рукой подать, с полкилометра, не больше. Все. Конопатим щели. – Он скинул капюшон маскхалата.

– Водки бы сейчас... – Гурон подошел к импровизированной амбразуре и начал затыкать ее свернутой в жгут, прошитой металлизированными нитями тканью.

– Ага, – поддержал его Штопор. – Грамм двести, чтоб согреться.

– Мне не холодно. – Инок скомкал свой маскхалат. – Это тебя от нервов трясет.

Прежде чем заткнуть амбразуру, он выглянул через заросшую травой щель.

Угрюмые, давящие облака, макушки голых деревьев, стаи вездесущего воронья, – все как обычно, если бы не цвет неба... Над окраиной оно отливало матово-алым, ближе к центру Зоны облачность начинала клубиться, опускаясь все ниже, будто там образовался готовый вот-вот лопнуть исполинский нарыв. Смертельно опасные метаморфозы – явные предвестники близящегося выброса набирали силу с пугающей стремительностью, распространяя необычайно сильное аномальное воздействие, сравнимое с внезапным, сокрушительным ударом, до самых дальних границ Зоны Отчуждения.

Инок вдруг застыл, словно зачарованный, не замечая, как световой индикатор уровня аномальной энергии на экране его ПДА пересек красную черту. Где-то в глубине внезапно парализованного сознания еще билась в истерике паническая мысль: уходи, беги, прячься!.. Но он уже не слышал голос рассудка...

Отсветы масштабной катастрофы стали ярче, пронзительнее, облака над Чернобыльской АЭС пришли в движение, – теперь они стремительно неслись по кругу, образуя воронку, выстреливая по сторонам клубящиеся вихри, отчетливо различимые даже отсюда...

Экран ПДА вспыхнул и погас.

В наступившей тьме глохли все мысли. Сознание порождало жутковатые тени, слышался протяжный скрип, чьи-то глухие вздохи, затем вдруг вернулся фрагмент реальности: ветер снаружи стих, не шевелилась ни одна травинка, землю окутал зловещий саван тишины, потом он с треском лопнул...

– Auswurf! ² – Звук чужой речи вспорол удушливый, загустевший воздух, и, вторя вскрику насмерть перепуганного военного, где-то за Припятью в небо устремился призрачный поток аномальной энергии, полыхнув от горизонта до горизонта мертвенным светом. По облакам от эпицентра начавшегося катаклизма рванула расширяющаяся кольцевая волна искажений, небо из багряного вдруг стало изумрудно-зеленым, с черными прожилками, затем вновь потемнело...

Штопор со стоном рухнул на колени, обхватив голову руками. Он что-то нечленораздельно мычал, судорожно пытаясь встать на ноги, но незримая сила, коверкающая сознание, не давала подняться, на губах сталкера внезапно выступила пена, и он грузно повалился набок, сотрясаясь в конвульсиях.

² Выброс! (нем.)

Инок, у которого все двоилось, плыло перед глазами, продолжал смотреть, не в силах оторвать взгляд от взорвавшихся небес.

Сзади раздалось чье-то тяжелое, прерывистое дыхание, в сумеречном свете, сочащемся через щель, он увидел лицо, но не узнал Гурона, который в неимоверном усилии схватил Инока за плечи, отшвырнул вглубь схрона, затем, хрипя, заткнул последнюю амбразуру скомканным маскхалатом, а сам медленно ополз на пол, царапая податливую стену землянки растопыренными пальцами...

* * *

Сознание вернулось тугой вспышкой боли.

Голова разламывалась. Инок с трудом поднялся на ноги, все еще плохо соображая, где находится, не узнавая Штопора и Гурона, – на миг ему пригрезилось, что на земляном полу схрона распластались уродливые тела порожденных Зоной монстров, рука машинально рванулась к поясу, но вместо привычной рукоятки оружия схватила пустоту...

Внезапное ощущение незащитности потонуло в оглушительном раскате грома, над головой вздрогнули потрескавшиеся бетонные плиты, а вниз через щели в перекрытии хлынули ручейки песка.

Инок отцепился от подпирающего свод подгнившего деревянного столба, но не удержался на ногах, ударился плечом о какой-то выступ, развернулся, потеряв ориентацию в пространстве, и снова рухнул на колени, зажимая ладонями пульсирующие виски.

Воздух... Как хочется жить, но как трудно дышать...

Тоскливая мысль отдавала тленом обреченности, клаустрофобическое пространство схрона душило рассудок, сталкер жадно ловил воздух перекошенным ртом, но не мог вдохнуть.

«Наверх... Наружу...» – бился в сознании рефлекторный призыв к действию.

Инок пополз. Тьма подземелья не отпускала, липла к телу горячей испариной, он рвал ее сведенными судорогой пальцами, отбивался ногами в отчаянном порыве, пока в лицо вдруг не дохнуло терпкой ночной прохладой.

Согнувшись, хрипя и кашляя, он повалился набок.

Мир перевернулся.

Темное небо Зоны смотрело в его глаза, ураганный ветер, минуту назад валивший деревья, внезапно стих, шепот вечности струился над землей, в нем слышались миллионы невнятных голосов... и вдруг, разрывая чудовищное наваждение, ударил нестерпимо-яркий разряд молнии, снова грянул гром и хлынул проливной дождь.

Он ловил потрескавшимися губами драгоценную влагу, блаженно ощущая, как ливень хлещет по рукам, лицу, его знобило, одежда быстро промокла, но иссушающий звон, едва не уничтоживший рассудок, звучал все отдаленнее, глуше, – через минуту или две Инок, обдирая пальцы о шероховатый бетон, сумел подняться на ноги и оглядеться вокруг.

Ветер вновь ударил в лицо ураганным порывом, упругие струи дождя разметало влажной моросью, открывая действительность.

На вышках горели прожектора. Неподвижные столбы света вспарывали мрак, отдавая взгляду страшные последствия необычайно мощного выброса, ударившего в неурочный день и час, сломавшего статистику многолетних наблюдений и выведенных на их основе закономерностей.

Дождь прекратился.

Превозмогая слабость и вновь подкатившую к горлу дурноту, Инок медленно повернулся.

Метрах в десяти от него трое военных бестолково пытались подняться на ноги, постоянно оскальзываясь, словно их движениями больше не руководил разум; еще один сидел, бессмыс-

ленно, монотонно раскачиваясь из стороны в сторону, словно жестяная вывеска под напором ветра...

Инок, как и любой сталкер, отлично знал: чудовищные выбросы энергии, периодически происходящие в центре Зоны, не убивают вмиг – сначала они искажают сознание, уничтожают рассудок, оставляя тем, кто не успел вовремя укрыться в надежном убежище лишь ошметья порванной личности. Обычно воздействие выброса слабело пропорционально расстоянию до эпицентра – мало кто видел и знал, что происходит в такие моменты подле Чернобыля или Припяти, но сегодня случилось нечто непоправимое.

Рубеж *вымер*, несмотря на копошащиеся повсюду тела.

Земля под ногами превратилась в коварную, скользкую, липкую грязь, высохшие деревья почернели, их накренило в одну сторону, некоторые выворотило с корнем, укрепления, сложенные из мешков с песком, разметало, будто тут прокатилась тугая ударная волна от близкого взрыва.

За спиной внезапно возникло движение, ледяная дрожь резанула по нервам, сталкер стремительно обернулся, выхватив нож, и... едва не всадил его по самую рукоять в грудь Штопора, появившегося из тьмы.

Не обращая внимания на Инока, который чудом успел остановить роковой удар, Штопор словно сомнамбула прошел мимо, споткнулся о поваленный ствол дерева, упал и затих. Инок метнулся к нему, перевернул на спину, схватил за ворот измазанной в грязи кожаной куртки и несколько раз встряхнул, заглядывая в полубезумные глаза.

Вдали послышался протяжный, заунывный вой.

«Оружие...»

Инок отпустил Штопора, оставив того сидеть на земле, возле поваленного дерева, еще раз огляделся, заметил в столбе прожекторного света несколько разбитых в щепу ящиков, непонятно как уцелевший стол с громоздящейся на нем аппаратурой связи, распластанные в грязи полотнища палаток, россыпь снаряженных патронами прозрачных пластиковых магазинов, и принялся подбирать автоматные рожки.

– Мне дай... – Из мрака внезапно появился Штопор. Его пошатывало, будто пьяного, но в глазах уже читалось осмысленное выражение.

– Очнулся? – Инок сунул ему собранные боеприпасы, затем метнулся к потерявшим рассудок военным.

Ему пришлось перешагнуть через распластанное в грязи, мелко подрагивающее тело, жуть опять всколыхнулась в груди, когда он встретился взглядом с пустыми, мертвыми глазами сидящего на корточках, монотонно раскачивающегося солдата, но вновь прозвучавший в отдалении леденящий душу вой заставил отбросить неуместные эмоции.

Из липкой жижи торчал приклад и часть рукоятки со встроенным коллиматорным прицелом.

Немецкая G-36!

– Держи! – Он поднял оружие, передал его Штопору. – От грязи очисти! К схрону возвращайся! Я сейчас!

Штопор промычал что-то нечленораздельное, вцепился в G-36, едва не уронив собранные магазины.

– Бегом давай! – прикрикнул на него Инок, выламывая из рук военного еще один автомат. – И посмотри, что с Гуроном!

В наступившей гнетущей тишине внезапно раздался треск помех, затем со стороны комплекса связи, оставшегося на месте штабной палатки, долетел искаженный, прерываемый шипением голос:

– База вызывает... сектор тридцать четыре...

Инок застыл, прислушиваясь.

– ...пять машин... крупная банда... – Снова накатили помехи, но смысл полученной информации был вполне понятен. К этому участку периметра полным ходом приближались проблемы.

* * *

Через минуту, отыскав еще один автомат, Инок вернулся к бетонным плитам.

– Где Гурон?

– Внизу... Вылезать отказался. – Штопор изъяснялся с трудом, но оружие держал крепко, в глазах ветерана метался лихорадочный блеск.

– Гурон! – Инок присел на корточки.

– Чего тебе? – раздался из-под земли глухой голос.

– Выбирайся к нам. Уходить надо.

Ответа Инок не расслышал.

Внезапно поблизости сверкнула яркая вспышка, раздался оглушительный треск, и меж вяло шевелящимися телами военных возникла электра – одна из наиболее распространенных в Зоне аномалий.

Штопор лишь охнул, непроизвольно отступив на шаг.

Электра извивалась, мгновенно осатанев в жутком танце ветвящихся разрядов, человеческие тела, пронзенные аномалией, подбросило вверх; в бледном свете было отчетливо видно, как дымится камуфляж, глаза несчастных вылезают из орбит, раскрытые рты перекашивает в немом крике.

Инок обреченно зажмурился.

Появление аномалии у границ периметра означало лишь одно – сбылся самый невероятный из всех пессимистических прогнозов: Зона вновь начала расширяться.

Зона действительно расширялась.

Багрово-черные облака закручивало исполинскими воронками, давило к земле, беззвучные ветвистые молнии рвали ночь, на миг превращая ее в ослепительный день.

Рубеж ожил. Потерявшие рассудок солдаты, словно получив команду к действию, метались меж разбитых укреплений, шарахались от внезапно возникающих аномалий. Откуда-то появился офицер, разговаривавший накануне выброса с полковником Огурцовым – он медленно брел меж наклоненных деревьев, пока не наткнулся на уцелевший пулемет. Некоторое время он стоял, покачиваясь, тупо глядя на исправное оружие, затем присел, монотонно, навсхлип твердя одну и ту же фразу, смысл которой невозможно было разобрать.

Вал незримой аномальной энергии выброса накрыл новые, захваченные Зоной пространства, порождая явления, способные свести с ума неподготовленного наблюдателя: языки крошечной тьмы, словно анаконды, распластавшиеся в молниеносном прыжке, гасили проектора, и никакая сила уже не могла заставить их зажечься вновь; ограждение из колючей проволоки на секунду тускло блеснуло металлом и тут же начало темнеть, на покосившихся вышках внезапно зашелушилась краска, из-под нее проступили бурые пятна ржавчины.

– Гурон, вылезай!..

В глубине схрона послышался шорох, затем в узком отверстии лаза показались голова и плечи сталкера. Мутный взгляд Гурона скользнул по окрестностям.

Метрах в пятнадцати от укрытия, освещая позиции сметенного Зоной рубежа, потрескивала электра, легкий ветерок относил в сторону едкий дым, вдали внезапно зачастили звуки автоматной стрельбы, затем на минуту все стихло. Гурон, которому совершенно не понравилось увиденное, попытался вновь ускользнуть в спасительный мрак подземелья, но Инок ухватил его за плечи.

– Штопор, помогай!

Вместе они все же вытащили Гурона из лаза. Он сопротивлялся, активно отбиваясь, по-прежнему балансируя на зыбкой грани между миром уничтожающих разум грез и реальностью, которая недалеко ушла от воображаемых кошмаров.

– Придержи его! – Инок заметил, что взгляд товарища тускнеет, на губах выступила пена, плечи ссутулились.

– Хана... – вынес вердикт ветеран.

– Руки ему держи!

Штопор нехотя подчинился, навалившись на Гурона, пока Инок на ощупь искал во внутреннем кармане его порванной одежды единственный имевшийся у них шприц-тюбик с протившоковым препаратом.

– Все, отпускай!

Инъекция подействовала быстро: тело сталкера сначала выгнулось дугой, затем вдруг обмякло.

– Что ты ему вколол?

– Названия не знаю. Купили у ученых на Янтаре.

– Ну, а дальше-то как? Уходить надо.

– Надо – иди, – отрезал Инок.

Штопор затравленно огляделся. Все самое страшное вроде бы позади. Тихо поскуливал офицер, в сгустившейся тьме медленно передвигались смутные тени. Ветер снова усилился, напряженно потрескивала электра, где-то поблизости постанывал изъеденный коррозией металл вышки, вдалеке на проселке показался мечущийся свет фар.

– Кто-то едет.

– Вижу, – отозвался Инок. – Бандиты, – скупое добавил он. – Я слышал, как о них по связи предупреждали.

– Вот неправильный ты. – Штопор покосился на бессознательное тело Гурона. – Ладно, оставайся. Я пошел.

* * *

Штопор скрылся в темноте. Немецкая штурмовая винтовка, два запасных магазина в карманах куртки – негусто, но на первый случай сойдет. Угрызения совести его не мучили. У сталкера ее попросту нет. Здесь Зона, и каждый выживает, как может. Без вариантов. Альтруизм Инока – чистое самоубийство. Гурона не спасет, а сам загнется. Бандиты мимо рубежа не проскочат. Они ведь не из любопытства из своих нор вылезли. Им сегодняшняя ночь – что манна небесная. Шакалам поживы хватит. Добьют вояк, оружие соберут, экипировку.

«Нет, ну садануло-то не по-детски», – озираясь по сторонам, подумал он.

Под выброс Штопор попадал лишь однажды, в Припяти. Тогда ему удалось выжить и сохранить рассудок. Удар был гораздо слабее сегодняшнего, да и переживал он его глубоко под землей, в подвале одного из многоэтажных зданий бывшего города энергетиков, так, зацепило малость, однако полученных впечатлений вполне хватило, чтобы решить: «Все, хватит. Хорошего понемногу. Завязываю».

И вот он снова тут. Вопреки здравому смыслу, вопреки страху.

Продираясь через кустарник, Штопор уже не думал об Иноке и Гуроне. Своих забот хватало. Он без особых приключений отмахал почти километр, когда левее и сзади внезапно полыхнула ярчайшая вспышка, глухо, упруго ударил мощный взрыв, затем хлестнули россыпи автоматического огня.

Он все-таки остановился, посмотрев в сторону уничтоженного Зоной рубежа.

Свет фар уже не метался по проселку, возле укреплений полыхал подбитый внедорожник, а на фоне оранжево-черных, рвущихся ввысь языков пламени металась, дико подвывая, необычайно крупные силуэты чернобыльских псов.

Штопор отвернулся и ускорил шаг.

Нужно выбираться на Кордон к тайнику. Без серьезной защиты до Припяти не дойти. Тропа, которую теперь знал только он, шла по гиблым местам, огибая Радар с его Выжигателем Мозгов. Что за устройство скрыто в бункерах под бывшим комплексом загоризонтного обнаружения «Чернобыль-2», Штопор понятия не имел, да и не стремился узнать. Ему хватало свидетельств очевидцев. Любой сталкер, вне зависимости от типа защищающей его экипировки, попав под излучение таинственного генератора, не просто лишался рассудка: он превращался в зомби, либо еще хуже – становился подконтролен таинственному Монолиту.

А в Припять попасть необходимо, иначе никак. Штопор не строил иллюзий: прижали его крепко. Скрываться бесполезно. Даже тут достанут, если что.

Стрельба позади понемногу стихла.

Он взобрался на очередной холм, глянул вниз и мгновенно напрягся, отступив на шаг, машинально сдвинув вариатор темпа стрельбы в положение «автомат».

Он увидел знакомую, покрытую растрескавшимся асфальтом дорогу, контрольно-пропускной пункт, где раньше располагался блокпост военных. Дальше, километрах в пяти от КПП, в заброшенной деревне находилась своеобразная база для новичков. Все сталкеры-одиночки когда-то начинали знакомство с Зонай именно тут... Однако картина, открывшаяся взору Штопора, резко отличалась от той, что многие годы хранила его память.

Сейчас пропускной пункт представлял собой груду дымящихся руин. Крыши приземистых одноэтажных казарм провалились внутрь, языки пламени периодически вырывались из закопченных развалин, бросая на потеху порывистому ветру снопы искр.

Штопор присел.

Кто напал на блокпост?

Впрочем, какая разница? Его проблема заключалась в ином: левее разрушенных зданий, метрах в двухстах, под вросшими в землю гранитными валунами находился тайник со снаряжением.

Проклятая Зона...

Вокруг схрона плотно группировались новорожденные аномалии. Даже без бинокля Штопор различил, как в призрачном сиянии дюжины электр воздух струится холодным маревом, искажая контуры предметов. Камни и близко растущие к ним деревья как будто мерцали в ночи.

О том, что после выброса происходит перемещение очагов аномальной активности, он, конечно, знал, но легче от этого не становилось.

Сплюнув с досады, Штопор начал спускаться по склону холма, стараясь держаться подальше от превратившегося в руины блокпоста. Судьба военных его абсолютно не интересовала.

Мутантов он по старой памяти особо не опасался, Кордон в сравнении с другими пространствами Зоны считай что курорт. Здесь, кроме пары кабанов да дюжины псевдособак, по жизни ничего более крупного не водилось. Вообще в пограничных секторах в основном следовало остерегаться зверей двуногих. Давняя неприязнь Штопора к военным уходила корнями в прошлое, когда он в числе молодых сталкеров проходил суровую школу молодого бойца, горбатясь на Сидоровича – местного торговца, за бесценок скупавшего артефакты, оружие, поношенное снаряжение, – все, что тащили к нему молодые, еще неопытные сталкеры-одиночки.

С военными у Штопора отношения сразу же не сложились. Виной всему был первый, добытый им артефакт, в общем-то грошовый грави, за который у Сидоровича можно было получить от силы пачку патронов к пистолету Макарова. Он нашел его на месте исчезнувшей

аномалии, как раз неподалеку от тех самых камней. Блокпост находился совсем близко, по дороге в пределах одного-двух километров ходили патрули, но по кустарниковым зарослям и по коварным, непредсказуемым в плане аномальной активности ложбинкам солдаты обычно не лазили, а тут на тебе – стоило лишь молодому сталкеру подобрать артефакт, а офицер и двое солдат уже рядом.

В общем, отобрали они у Штопора первый честно добытый хабар, да еще избили «при попытке к сопротивлению». По меркам Зоны – ничего страшного или выходящего из ряда вон, но обида осталась на многие годы, даже сейчас при взгляде на дымящиеся руины блокпоста он вновь почувствовал ее – горькую, удушливую, требующую обязательной жестокой мести.

Штопор тряхнул головой, отгоняя назойливое воспоминание.

Как подступиться к тайнику, не имея ни детектора аномалий, ни элементарного мешочка с болтами? А все Гурон с Иноком. Десять штук за какой-то липовый камуфляж содрали, глазом не моргнув, а элементарного прибора с собой не дали.

Подумав, Штопор все же свернул к разгромленному блокпосту.

Видимо, отсюда предупреждали по рации о приближении группы бандитов. Ну а кто еще мог разнести по кирпичикам несколько зданий? Только бандиты, больше некому. Сталкеры-одиночки с военными связываться бы не стали.

Он остановился, прислушиваясь.

Тихо. Только ветер подвывает.

Нервы напряжены, палец ноет на спусковом крючке, взгляд цепко следит за малейшим движением.

Вроде чисто...

Лучше бы кто-то дернулся, закричал или выстрелил на худой конец. Неопределенность хуже всего на свете. Когда идешь и не знаешь, из-за какого угла ждать проблем.

Сразу за погнутой трубой перегораживающего дорогу шлагбаума на глаза попало первое тело. Признать, что на забрызганном кровью асфальте лежит кто-то из военных, можно было лишь с большой натяжкой, труп изуродовали вечно голодные псевдособаки. Обойдя его стороной, Штопор, хорошо знакомый с планировкой блокпоста, свернул на небольшой плац, где обычно стояла техника, и вот тут ему вольно или невольно пришлось призадуматься над случившимся.

Взрыв, разнесший КПП и повредивший два примыкающих к нему здания, произошел именно тут. На воздух взлетела машина с боеприпасами. Повсюду отчетливо виднелись отметины от пуль, закопченная, почерневшая кабина грузовика тоже оказалась изрешечена. Сначала он подумал, что весь этот бардак – лишь следствие шального разлета рвущихся боеприпасов, но, присмотревшись, понял: все намного сложнее и хуже. Куда ни глянь, выщербины на покрытых копотью стенах белеют группами, разбегаются строчками, значит, стреляли длинными очередями, в панике, навскидку, практически не целясь.

В кого? Кто так напугал солдат, что те, отстреливаясь, умудрились подорвать собственный грузовик?

Штопору вдруг расхотелось идти дальше. Он знал несколько видов исчадий Зоны, валить которых приходится именно так: пока не выпустишь половину магазина, желательно в голову, не сдохнет. Например, кровосос. Тварь быстрая, к тому же обладающая способностью к мимикрии, которую неопытные сталкеры часто именуют «частичной невидимостью». Ничего подобного. Штопору однажды пришлось пересечься на территории группировки «Свобода» с одним из яйцеголовых (так за глаза называли ученых), и в завязавшемся разговоре тот пояснил, что в результате мутаций кожные покровы кровососов обрели способность мимикрировать под любой фон окружающей среды. Множество сенсоров, расположенных по всему телу мутанта, ежесекундно снимают круговую панораму и передают данные для текстурирования кожных покровов. Оттого и создается впечатление, будто кровосос прозрачен, а сквозь его тело видны

находящиеся сзади предметы. Ученый объяснял еще что-то относительно невозможности придать невидимость внутренним органам, мышцам и особенно мозгу, но Штопор его тогда не больно-то и слушал. Усвоил главное, и ладно. Перегружаться лишней информацией тоже ни к чему.

Мысли вихрем пронеслись в его голове, оставив лишь тревожное, сосущее предчувствие беды.

Думать о контролерах он себе запретил. Как говорится, не буди лихо, пусть себе спит тихо.

Заметив еще несколько разорванных на куски, обглоданных псевдособаками тел, он боком протиснулся в дверной проем, готовый открыть огонь по любой тени.

Единственное уцелевшее здание блокпоста не обмануло надежд Штопора. Здесь располагалось караульное помещение, стояла старенькая радиостанция, рядом со стулом лежал нетронутый собаками труп в камуфляже с капитанскими знаками различия. Склонившись над ним, Штопор перевернул тело офицера, чтобы расстегнуть портупею и снять кобуру с пистолетом.

Все бы ничего, вот только лицо военного было бледнее мела, кожа сморщилась, будто высохла.

«Кровосос...» – бухнула паническая мысль.

Он резко оглянулся, но в помещении стояла стылая, неподвижная тишина. По крайней мере, так казалось. В сумраке не двигались тени, но спину вмиг обдало ледяным потом. Одной рукой удерживая автомат, Штопор на ощупь нашел ПДА офицера и, подхватив портупею с пистолетом, бегом кинулся прочь.

У каждого сталкера есть свой предел. Та планка, выше которой не прыгнуть. Многие погибают, так и не узнав, на что они способны, иные напротив, быстро и болезненно осознают уровень собственных возможностей и не углубляются далеко в Зону. Штопор знал немало нормальных с виду парней, кто не ходил дальше Свалки или никогда не совал свой нос на Дикие Территории, не бывал в районе озера Янтарь или в Темной Долине. О Радаре, Припяти и Саркофаге Четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС и говорить нечего. Те территории плотно закрыты непроходимым излучением Выжигателя и тщательно блокированы монолитовцами.

Мысли не мешали Штопору уносить ноги.

Уж лучше аномалии, чем одно из жутких исчадий Зоны. О том, что кровососов может оказаться несколько, Штопор даже не подумал.

Выскочив из караульного помещения, он включил трофейный ПДА и бросился на тусклый свет потрескивающих невдалеке электр.

С детектором аномалий жить стало немного веселее. Прибор попискивал, пока что не переходя на суматошный визг, расположение электр просматривалось хорошо, а вот змеящийся между ними воздух здорово напрягал. Визуально прохода к камням не существовало вообще, однако на дисплее ПДА пятна аномальной активности располагались вовсе не так плотно: между ними пролегала узкая, коварная, извилистая тропа, пройти по которой мог разве что акробат или человек с железными нервами.

Штопор акробатикой не увлекался, да и нервишки в последнее время пошаливали.

Как же добраться до тайника?

На здравую мысль его натолкнул вид нескольких близко растущих деревьев, наклоненных бушевавшим недавно ураганом. Крона одного из них склонялась над заветным нагромождением валунов. Ни одна аномалия на покачивание веток деревьев не реагировала.

«Рискну», – решил Штопор.

Забросив оружие за спину, он застегнул портупею с кобурой поверх измазанной грязью, порванной в нескольких местах куртки и начал осторожно взбираться по наклоненному стволу дерева.

Ветки сильно мешали продвижению, само дерево скрипело и покачивалось, если его вдруг выворотит с корнем, то жить останется пару секунд, не больше.

На полпути, взглянув вниз, Штопор с замиранием сердца обнаружил, что под ним взвилась аномалия трамплин. По бокам темнели два характерных пятна, выдавая присутствие воронок. Эти аномалии имели гравитационную природу, но обладали разными свойствами и способами воздействия на жертву. Трамплин разряжался кольцевыми волнами, нанося гравитационные удары в плоскости, на высоте полуметра от земли, – не опасно, учитывая, что Штопор находился достаточно высоко над ним, а вот если пойдет цепная реакция и вдруг активизируются воронки, беды не миновать, они затягивают внутрь и с неимоверной силой прессуют все предметы, находящиеся в радиусе десяти метров.

Штопор никогда не задумывался, действуют ли эти аномалии в вертикальной плоскости. Карусель – да, а вот воронки – неизвестно. И стать горе-экспериментатором ему вовсе не улыбалось.

Он почти не дышал, перелезая через очередной толстенный сук, а когда вниз посыпались сухие веточки и, медленно кружа, полетели листья, – рванулся, что было сил.

Как оказалось, вовремя. Штопор почувствовал, как дерево охватила дрожь, и, продравшись сквозь крону, даже не прыгнул, а просто рухнул на заветные камни.

Сзади началось светопреобразование.

Веточки, потревожившие одну из воронок, разрядили аномалию: ствол дерева вдруг начал с треском изгибаться, клонясь к земле, потом переломился; в свете беснующихся под самыми камнями электр было отчетливо видно, как древесину ломает и плющит, сворачивая в плотно спрессованный продолговатый брикет.

Штопор, сытый впечатлениями, отполз к центру скопления каменных глыб.

Вот и заветное углубление. Он лег на камни, просунул руку в щель и сразу же наткнулся на лямку увесистого рюкзака.

Ну, хоть тут повезло. Он вытащил припрятанное два года назад добро, зная, что если рюкзак до сих пор лежит на месте, то все его содержимое в сохранности. Прежде чем прятать, он заботливо упаковал все в непроницаемые для влаги пакеты, а оружие для надежности обернул промасленной ветошью.

Открыв рюкзак, он начал осмотр.

Разобранный автомат Калашникова, триста патронов к нему, снаряженные в магазины, добротная обувь, комбинезон сталкера, усиленный вставками из кевлара, личный ПДА, пара гранат «Ф-1», мешочек с болтами, но главное... Он коснулся миниатюрного кейса, выполненного из ударо- и жаростойкого пластика, но открывать не стал, сунул обратно в заметно похулевший рюкзак.

Так, что тут еще? Дыхательная маска, с десятков антирадиационных инъекций в шприц-тюбиках, автоматическая аптечка военного образца... В общем все, что необходимо сталкеру, собирающемуся проделать долгий нелегкий путь, в конце которого маячит круглая сумма с шестью нулями.

Нормально. Теперь нормально.

Быстро переодевшись, собрав автомат, он рассовал запасные магазины по нагрудным и набедренным карманам. Куда девать трофейное оружие, он решил сразу: в тайник его, до лучших времен.

Штопор огляделся и вдруг понял: а выбраться-то будет не в пример труднее. По дереву уже не проползешь – нет его больше, спрессовала аномалия.

Он присел на камень, оперся спиной о выступ. Взгляд скользил по окрестностям, не узнавая их в призрачном свете дюжины электр. Что-то случилось с Зоной. Она изменилась, причем радикально. И дело, пожалуй, не в событиях этой ночи. Штопор хоть и дергался, вел себя неподобающим ветерану образом, но его нервозность имела объяснение: проведя два года вне

отчужденных, изолированных от остального мира территорий, он попросту отвык от ежедневного предельного напряжения моральных и физических сил. «Пройдет день, два – и втянусь», – размышлял он, позволив себе немного расслабиться под защитой аномалий, плотно окруживших его временное убежище.

«Втянешься, если выживешь», – подленько шепнул внутренний голос.

Штопор разозлился. Ни минуты нельзя посидеть спокойно.

От мыслей его отвлекла неясная тень, промелькнувшая в свете электрических разрядов.

Старый добрый «АКМ» калибра 7,62 мгновенно оказался в руках. Штопор все отчетливее понимал – времени на адаптацию и раскачку у него нет и не будет.

Интуиция не подвела. Чувство опасности, реальное, не надуманное, внезапно материализовалось по ту сторону защищающей сталкера преграды: в неровном свете, источаемом аномалиями, неожиданно появились три ссутуленные фигуры, лишь отдаленно напоминающие человеческие.

Кровососы!..

Нервная дрожь, ударившая по мышцам, пробежавшая по телу, будто внезапный разряд тока, заставила его вскинуть оружие. От выброса адреналина в голове слегка помутилось, во рту появился неприятный привкус, но все же рефлексy не подвели, он плавно выбрал люфт и потянул спуск.

Оглушительная короткая очередь вспорола обманчивую тишину, одна пуля впилась в грудь ближайшей к Штопору твари, еще две ударили в голову, но кровосос лишь покачулся, не думая умирать. Толстые щупальца, обрамляющие нижнюю часть его морды, зашевелились в поисках жертвы, силуэт жуткого исчадия Зоны вдруг потускнел, а затем и вовсе растворился в сумраке.

Мимикрирует, зараза...

На этот раз Штопора проняло основательно. Он отчетливо представил, что произошло бы с ним, не встань на пути кровососов стена аномалий. Лежал бы сейчас среди камней, белый, как тот офицер, без кровинки в теле...

Он нервно оглянулся. Так и есть. Три твари уже находились за спиной, они то бросались вперед, то вдруг резко останавливались, отступая, – чувствовали, что на пути, помимо различных электр, затаились воронки и трамплины.

Минут пять шла изматывающая борьба. Поединок нервов, который рано или поздно должен был завершиться не в пользу человека. Кровососы обладали незаурядной живучестью, поспорить с ними могли только снарки – не менее злобные и опасные существа, по слухам, бывшие когда-то людьми.

Он не зря вспомнил снарков. Сталкиваться с ними во время памятного рейда в Припять приходилось не раз. Однажды, пробираясь по старым коллекторам, группа сталкеров, в которую входил и Штопор, нарвалась сразу на дюжину низкорослых сгорбленных тварей, способных с невероятной скоростью и ловкостью перемещаться не только по земле, но и по потолку и стенам. Отстреливаясь, сталкеры отступили под защиту нескольких пройденных минутой ранее воронок. Аномалии располагались неплотно, между ними зияли метровые бреши, но снарки, впадая в ярость, атаковали, фактически не различая препятствий, так что идея заманить их под удар была вполне здоровой и осуществимой, если б не феноменальная живучесть тварей.

Половина из них прорвались через гравитационные ловушки и бросилась на людей.

Штопор зажмурился.

Если кровососы голодные, они рано или поздно ринутся в атаку. Скорости и выносливости им не занимать. Действовать надо немедленно, но как?

Гранаты.

План созрел мгновенно. Приготовив «эфки», он отложил автомат, перепрыгнул на расположенный ниже валун, привлекая тем самым внимание кровососов. Они отреагировали вполне адекватно: метнулись к границе аномалий. Штопор давно заметил, что невероятная сила и живучесть монстров в большинстве случаев компенсирована их низкой сообразительностью.

Заметив, что зыбкие силуэты, напоминающие водянистые контуры гротескных человеческих фигур, сгруппировались на границе, очерченной разрядами электры, Штопор одну за другой метнул им за спину две гранты и тут же отпрянул назад, под прикрытие каменной глыбы.

Сдвоенный взрыв ощутимо встряхнул землю, осколки пронеслись сквозь аномалии, словно горсть с силой брошенных болтов. Еще не успело смолкнуть эхо разрывов, как в ночи раздались жуткие, леденящие кровь вопли – это ударная волна швырнула кровососов в зону плотного скопления аномалий.

Штопор вскочил, подхватил автомат и рюкзак, взглянул на экран ПДА, где четко обозначились границы беснующихся очагов аномальной активности, и понял: сейчас или никогда...

В двух шагах синхронно молотило несколько трамплинов. Еще секунда, и они разрядились, не оставив в теле кровососа ни одной целой косточки. Поверженный монстр выглядел как кровоточащий кусок плоти, но Штопору было уже не до него – рванувшись вперед, он прыгнул, с силой оттолкнувшись от валуна, стараясь использовать те секунды, что требовались аномалиями для перезарядки.

Не успел.

Два трамплина остались позади, но третий, самый крайний, все же успел ударить вслед сталкеру расширяющейся кольцевой волной гравитационного искажения.

Штопору показалось, что его ударило в спину бетонной плитой, ноги подкосились, отказываясь держать вес тела, он заорал бы, но щеки тряслись от напряжения, гортань сжало, кровь отхлынула от головы, затем сознание взорвалось радужными искрами и погасло, но только на миг.

Почти сразу же придя в себя, он выгнулся, силясь вдохнуть.

Ребра ныли. В голове стоял протяжный звон, из ушей, как при сильнейшей контузии, сочилась кровь.

Автомат валялся в траве, до него еще ползти и ползти, учитывая невыносимую боль в парализованных мышцах, а из поля беснующихся аномалий внезапно вынырнули два потерявших способность к мимикрии, но все еще живых кровососа.

Ужас поднял Штопора на колени, заставил отползти от бьющегося в бессильной злобе трамплина, он успел схватить автомат и, перевернувшись на спину, встретить оглушенных тварей длинной очередью.

Он отчетливо видел, как пули рвут их плоть, но секунду спустя оба исчадия исчезли, словно их и не было.

Бежать... Бежать...

Штопор, пошатываясь, встал. Сознание тут же поплыло, к горлу подкатила тошнота. Сотрясение мозга и перелом нескольких ребер он точно заработал. Но это мелочи. Автоматическая армейская аптечка, разработанная в одном из номерных институтов бывшего Союза, справится и с головокружением, и с треснувшими ребрами, ему бы только найти укромное место, где можно отлежаться... Хуже другое. Все, произошедшее с ним на Кордоне, плохо укладывалось в рамки былых представлений о Зоне. Если здесь творится полный беспредел, то, в таком случае, что происходит в других, по определению более опасных областях?

Оглянувшись, он заметил смутный силуэт, приближающийся справа, шарахнул по нему короткой очередью, почти не целясь, не попал и, собрав остаток сил, побежал, продираясь через кустарник.

Он чувствовал себя настолько скверно, что практически не разбирал дороги. Сбившись с направления, потеряв из-за контузии ориентацию в пространстве, Штопор не отдавал себе отчета в том, что движется назад, в направлении разгромленного рубежа.

Зато он понимал другое: Зона за время его отсутствия необратимо изменилась. За доказательствами не нужно было далеко ходить. События последних часов говорили сами за себя. Кому-то другому Штопор ни за что бы не признался, что напуган до желудочных колик, но себе-то лгать не имело смысла. Он только чудом остался жив. Проведя в Зоне всего пару часов, он успел попасть под выброс, стать свидетелем катастрофического расширения аномального пространства, видел сошедших с ума военных, наблюдал последствия атаки мутантов на хорошо защищенный блокпост, сам загнал себя в ловушку, отбивался от кровососов, отведал ту меру ужаса, смертельных опасностей, физической и моральной боли, которой в прошлом хватило бы на год...

Вывод из мятущихся в растерзанном сознании мыслей напрашивался только один: в одиночку ему никогда не добраться до Припяти. Но дороги назад попросту не было. Либо он дойдет до города-призрака, либо сгинет в Зоне. Третьего не дано.

Отбежав на приличное расстояние от места последней схватки с кровососами, он, задыхаясь от непривычных физических усилий, остановился, тяжело дыша, без сил привалился к накрененному стволу засохшего дерева, с трудом достал из рюкзака автоматическую армейскую аптечку, свинтил крышку и прижал головку анализаторов к коже запястья.

Внутри сложного комплекса для поддержания жизни что защелкало, затем аппарат, проводя экспресс-анализ состояния пациента, произвел несколько инъекций.

Гул в голове стал тише, потом исчез вовсе. Резкое улучшение самочувствия не изменило удручающего настроения. Неестественная бодрость пугала. Он знал, что часто пользоваться подобными устройствами опасно для жизни, но что реально он мог противопоставить Зоне? Свой опыт сталкера? Да его черныбыльский пес наплакал. До памятной вылазки в Припять, куда его взяли в качестве обыкновенного носильщика, он дальше Свалки, военных складов, контролируемых группировкой «Свобода», да базы «Долга» носа не совал. В отличие от иных сталкеров Штопор отлично знал свою планку и даже не пытался прыгнуть выше. Да, ему крепко повезло, он выбрался из той передрыги живым и с приличным хабаром, но одно дело бахвалиться прошлым перед дорогими валютными проститутками, и совсем иное – вернуться назад, да еще и без обратного билета в нормальную жизнь.

Он не тянул на крутого сталкера. Нечего было трепать языком. Ну да что теперь...

От мрачных мыслей Штопора отвлекли раздавшиеся неподалеку звуки автоматной стрельбы.

Ураганная перестрелка вспыхнула метрах в пятидесяти от накрененного бурей дерева. Он вытянул шею, огляделся по сторонам и вдруг понял, что вернулся туда, откуда начал: перед ним простиралось пространство злополучного тридцать четвертого сектора периметра Зоны Отчуждения.

Судя по направлению трассеров, огонь вели бандиты, им отвечали два автомата, по звуку – немецкие G-36.

Внезапная мысль пришла, как озарение.

Инок и Гурон. Они, судя по всему, сталкерское дело знают туго. И не робкого десятка парни. Их нужно как-то заинтересовать. Штопор даже воспрял духом. «Для начала я их спасу – дело нехитрое. Зайти в спину увлеченным перестрелкой бандитам, шугануть их внезапным огнем с безопасного расстояния, заставить заметаться, вскочить, а остальное Гурон с Иноком доделают сами».

С такими мыслями Штопор плюхнулся на брюхо и пополз, заходя в тыл местной братве.

* * *

Инок и Гурон действительно попали в серьезную передрагу.

Поначалу события на рубеже развивались довольно прогнозируемо. Пока напарник после введенной ему дозы противошокового препарата пребывал в беспамятстве, Инок оттащил его назад в схрон. Устраивать войну с боевиками бандитской группировки – только патроны тратить. На этот счет у Инока была своя философия. Он давно заметил, что Зона реагирует на поступки сталкеров достаточно чутко. Одних одаривает сверх меры, другим не дает и шага пройти.

Давние наблюдения подтвердились через несколько минут после того, как на проселочной дороге появился свет фар нескольких машин.

Расширив амбразуры под бетонными плитами, Инок спокойно наблюдал, как к рубежу приближаются пять внедорожников, за которыми медленно полз бортовой грузовик. Шакалы вышли за легкой добычей. Видно, прослушивали эфир, сидя в своем убежище, быстро сообразили, в каком незавидном положении оказались военные, вот и решили поживиться оружием и экипировкой. Им с их куцыми мозгами не понять, что внезапное расширение границ Зоны – явление уникальное, катастрофическое, не исчерпывающееся необычайно сильным выбросом. Вал аномальной энергии уже схлынул, но остались его скрытые до поры последствия. Думать мышцами всегда чревато крупными неприятностями, в этом Инок смог убедиться всего через пару минут, когда в полукилометре от разбитых укреплений один из внедорожников влетел в аномалию. Жарка, притаившаяся у обочины, разрядилась столбом ревущего пламени, джип подбросило метров на десять, он мгновенно превратился в факел и, падая, взорвался, распавшись оранжево-черными сгустками.

В свете внезапного взрыва стало отчетливо видно, что вслед боевикам катится лавина мутантов.

На позициях разгромленного рубежа внезапно зашевелились тени. Офицер, бессмысленно возившийся у единственного уцелевшего пулемета, вдруг очнулся от ментального шока. Видимо, открывшееся его полубезумному взгляду зрелище сработало как катализатор рефлексивных навыков – он что-то хрипло проорал, выпуская длинную очередь, хлестнувшую по машинам и лишь частично задевшую стаю чернобыльских псов.

Мутанты, поскуливая, рванулись в стороны, несколько тварей покатались по земле, оглашая окрестности предсмертным воем, с джипов в ответ ударили заполошные автоматные очереди, по мешкам с песком наискось хлестнули пули, офицера коалиционных сил вдруг отшвырнуло от пулемета, и он медленно осел, схватившись за простреленную грудь.

Внезапный огонь со стороны рубежа заставил джипы притормозить: один выпустил облако пара из пробитого радиатора и, чихнув, заглох, три других пошли юзом, а через несколько мгновений позже стая мутантов настигла охотников за легкой наживой.

Лязг раздираемого когтями металла смешался с грохотом одиночных выстрелов и холодающими душу предсмертными воплями, огромную стаю собак закрутило вокруг внедорожников пульсирующими концентрическими окружностями.

Зона, как и предполагал Инок, в состоянии сама решить, кому жить, а кому умирать.

Мистика?

Вряд ли. Скорее вывод, сделанный на основе многолетних наблюдений.

Во тьме дробным звуком рассыпались автоматные очереди. Чернобыльские псы – противник опасный, обычно они не сбиваются в стаи, а охотятся поодиночке либо парами. Также были известны случаи, когда чернобыльцы, обладающие способностью к слабому ментальному воздействию, брали в подчинение слепых псевдособак.

Однако эта ночь ломала многие устоявшиеся стереотипы.

Убить черновильского пса непросто. Говорят, что он чувствует, когда в него целятся, и уходит с линии огня за мгновение до выстрела. Однако в сложившейся ситуации проверенная тактика не работала – мутантов оказалось слишком много, разъяренные выстрелами и близостью добычи, они сбились в плотные группы, почему-то оставив без внимания тащившийся позади колонны грузовик. Мешая друг другу, огромные собаки попадали под беспорядочный автоматный огонь, затем в гущу тел, захлестнувших внедорожники по самые крыши, с грузовика полетели гранаты.

С десяток разрывов вмиг разметали плотную массу тел, досталось и машинам, но боевиков от разлета осколков спасли усиленные, бронированные кузова изготовленных по спецзаказу джипов. Удивительно, но мутанты, обычно атакующие своих жертв до последнего, внезапно кинулись врассыпную, оставив на дороге десятка три изуродованных тел сородичей.

Ситуация начала принимать скверный оборот. Боевики, конечно, пострадали, но в меньшей степени, чем рассчитывал Инок. Через некоторое время, громко матерясь, они сумели поставить на колеса две перевернутые машины, а сами забрались в грузовик, который вновь медленно пополз к линии укреплений. Теперь на появление мутанта или любую промелькнувшую тень бандиты отвечали плотным автоматным огнем, не жалея патронов.

Старый, выдавший виды «Урал», оглушительно завывая двигателем, вполз на пригорок и остановился. Часть боевиков спрыгнула на землю, они разбились на пары и исчезли во мраке, несколько человек остались в кузове грузовика, постоянно держа под прицелом ближайшие подступы к машине.

Черновильские псы редко оставляют добычу. Так произошло и на этот раз. В темноте то и дело вспыхивали короткие перестрелки, из мрака доносились яростные крики мародеров и скулеж умирающих мутантов.

Так продолжалось около часа.

Инок без труда проскользнул бы мимо оставленного бандитами охранения, но он не рискнул нести на себе Гурона. Застрелят. Одна шальная пуля, и все. Обидно будет. Проще переждать, тем более что замшелые, вросшие в землю плиты вряд ли привлекут внимание охотников за легкой поживой.

На всякий случай Инок присел у бойницы, выходящей в ту же сторону, что и узкий лаз. Нора, ведущая в схрон, являлась единственным уязвимым местом избранной позиции, но подступы к ней освещала электра, так что внезапного нападения можно было не опасаться.

Прошло еще минут двадцать, и Инок начал понемногу успокаиваться. За это время поисковые группы дважды возвращались к грузовику, сгружая собранное оружие и снаряжение.

Еще немного, и они отвалят.

В темноте раздался слабый стон приходящего в сознание Гурона, но Инок не успел отреагировать на его возвращение в жестокий, полный превратностей мир Зоны, лишь цыкнул:

– Замолчи!

Подле электры, обтекая ее с двух сторон, показались мутанты. С десяток черновильских псов приближались к убежищу сталкеров. В отличие от бандитов, которых интересовало лишь оружие, голодные псы сразу же учуяли присутствие людей. Вот один из них напрягся, встал в стойку, тревожно нюхая воздух, и Инок понял: еще секунда, и тварь рванет к лазу.

Короткая очередь, выпущенная из немецкой штурмовой винтовки, разнесла череп мутанта, остальные попятились, не сразу сообразив, где засел стрелок, а когда до них дошло, что люди скрываются под плитами, вся стая бросилась вперед.

Инок встретил их длинной очередью.

Еще несколько псов рухнули на землю, одного отшвырнуло в электру, аномалия тут же взъярилась, распуская ветвистые, изломанные щупальца электрических разрядов, – короче, фейерверк удался на славу.

Тварей удалось отпугнуть, но к месту внезапной схватки уже неслись боевики. Инок лишь выругался, меняя магазин G-36.

Рядом возник смутный силуэт Гурона.

– Оружие есть? – слабым голосом спросил он.

– У меня под ногами! – Инок уже бил короткими очередями по появившимся в поле зрения бандитам. Двое боевиков рухнули, как подкошенные, третий успел отскочить во тьму и скрылся, только зашелестели ломкие ветви сухого кустарника.

– Сколько их? – спросил окончательно пришедший в себя Гурон.

– Человек двадцать.

Напарник молча подобрал трофейное оружие и встал у другой бойницы.

– Сзади и с флангов им не пролезть. Если начнут копать, услышим. Вход держать надо.

Инок промолчал. Какой смысл сотрясать воздух, когда и так все понятно. В бою он обычно был немногословен.

Несколько минут казалось, что их все же оставят в покое, пока из темноты, стущавшейся метрах в пятнадцати от схрона, не вылетело несколько гранат.

– На пол!

Взрывы плотно легли перед входом. Несколько осколков влетели внутрь, визгливо чиркнув по бетону перекрытия.

Не сговариваясь, Инок и Гурон вскочили.

Перед бойницами курились кисловатым дымом свежие воронки, так и не уgomонившаяся электра смутно прорисовывала тени боевиков, ринувшихся в атаку. Подпустив их метров на пять, сталкеры открыли кинжальный огонь.

Первую атаку они отбили легко, теперь перед схроном валялось уже семь тел, но дальше дело пошло хуже. Обозленные внезапными потерями боевики рассредоточились по кустам, вновь пустив в ход гранаты.

– Долго не продержимся... – прохрипел Гурон, когда после очередного взрыва подпирающий бетонные плиты столб угрожающе затрещал.

– А выхода нет. – Инок тщетно пытался просчитать ситуацию. – Копай! – внезапно приказал он. – Отдай мне запасные магазины и копай!

– Чем?

– Руками, прикладом, чем угодно! Только не тормози!

Гурон метнулся к дальней стене схрона.

Боевики вновь попытались атаковать, но тщетно – Инок, экономя патроны, отогнал их несколькими очередями, и бандиты снова залегли.

Сменив позицию, переместившись ко второй бойнице, сталкер молча наблюдал, как из темноты по осыпающейся амбразуре с разных точек молотят автоматы. Стрелять по вспышкам – не факт что зацепишь, а себя обнаружишь. Нет, лучше подождать.

Мудрое решение.

Сколько времени продолжалось бы противостояние и удалось бы двум сталкерам в конечном итоге выбраться из западни – неизвестно, если б им на помощь вдруг не пришел кто-то третий.

Позади позиции боевиков внезапно заработал родной «калашников».

Атаки с тыла бандиты не ожидали. Выдержки и боевой дисциплины у них отродясь не было, потому они всем скопом, поддавшись внезапной панике, вскочили, дав призрачному свету электры обнаружить себя.

– С тыла бьют, гады! – раздался чей-то истошный крик.

Инок видел их как на ладони.

– Гурон, прикрой! – Он расстрелял магазин длинными очередями, резко присел под прикрытием огня товарища, перезарядился и...

Все стихло. Лишь в той стороне, откуда так вовремя ударил «калаш», внезапно бухнул разрыв гранаты, выпущенной из подствольника.

Несколько бандитов бежали к грузовику. Еще минута, и тот, сдав назад, начал разворачиваться.

Гурон выпустил вслед несколько очередей, но дистанция оказалась слишком велика.

– Ушли, – с досадой произнес он.

– Да и фиг с ними. – Инок устало присел. – Ты как?

– Нормально, – махнул рукой Гурон. – Бывало и хуже. Что делать будем?

– Как минимум надо сходить посмотреть, кто нас так вовремя прикрыл. А там решим.

* * *

Им потребовалось минут пятнадцать, чтобы отыскать таинственного стрелка. Инок запомнил направление на взрыв, но пришлось поплутать в темноте, обходя две новорожденные аномалии, прежде чем они наткнулись на тело в сталкерском комбинезоне.

Рядом, выпав из ослабевших рук, валялся «АКМ».

– Живой вроде... – Инок сначала нащупал пульс и только потом взглянул в лицо. – Во как! – Озадаченно произнес он. – Это же Штопор!

– Точно. А куда он вообще делся? Я много пропустил, да?

– Ушел он. Бросил нас и ушел.

– Ну, видишь, вернулся же. Что с ним? Живой?

– Контужен.

Инок призадумался.

– Ну что, к Сидоровичу пойдем? – наконец спросил он.

– А куда деваться? – ухмыльнулся Гурон. – Штопора ведь надо куда-то пристроить. Вон у него кровь из ушей течет. Да и информация от торговца нам не повредит.

– И то правда, – неожиданно согласился Инок. – Ладно, пошли на Кордон...

Глава 2

Кордон

Зона отчуждения. Лагерь сталкеров на Кордоне

До бункера Сидоровича – торговца, контролировавшего лагерь молодых сталкеров, занимавший небольшую полуразрушенную деревеньку между старым блокпостом и железнодорожной насыпью, – добрались, когда серые краски рассвета позволили отключить приборы ночного видения.

– Аномалий разбросано, как гороха... – кряхтя, пожаловался Гурон. Ему приходилось нелегко. Тащить грузное тело Штопора да еще постоянно следить за показаниями ПДА, предупреждая об опасных очагах, занятия трудно совместимые. Но так было заведено: Инок наблюдает за обстановкой, у него взгляд более цепкий, Гурон работает с ПДА. Нарушать устоявшееся, не раз проверенное на практике распределение обязанностей не было никакого смысла.

– Все, пришли. – Инок огляделся. Подозрительно тихо и безлюдно в деревне. Даже огонь во вкопанной в землю железной бочке вопреки обыкновению не горит. Куда все подевались?

Трупов он не заметил. И то ладно.

– Ну, последний рывок. Сейчас перекусим, расслабимся, узнаем, что тут стряслось в наше отсутствие, – нарочито бодро произнес он.

Деревню пересекли молча. Перед входом в бункер, замаскированный под обыкновенный погреб, остановились, зная, что хозяин не любит, когда к нему вламываются без предупреждения.

Сворки «погреб» были гостеприимно открыты. Хороший знак. Пожалуй, единственное приятное зрелище за истекшую ночь.

– Ну, и что стоим? – раздался ворчливый, искаженный порванным динамиком скрытой системы наблюдения голос. – Спускайтесь.

Инок, пригнувшись, пошел первым. За ним следовал Гурон. Бессознательное тело Штопора он взвалил на плечо.

Торговец сам отомкнул перед ними массивную металлическую дверь. Взглянув на обмякшее тело сталкера, несколько секунд всматривался в черты его лица, затем, причмокнув, неожиданно изрек:

– Вот так подарок вы мне приволокли!

– А что такое? Знаешь его? – удивился Инок.

– Как не знать. Я всех своих должников помню, но этого увидеть, честно говоря, не чаял.

Н-да... исповедимы пути твои...

– Контузило его крепко. Помощь бы оказать не мешало.

Сидорович строго посмотрел на Инока.

– Я что тебе – Болотный Доктор, всяких тварей выхаживать? Вон в угол его киньте, даст Зона – сам очнется.

– Не пойдет. – Инок был непреклонен. – Загнется. Слушай, Сидорович, с каких пор ты должниками разбрасываешься? Может, сгодится на что? Долг отдаст, к примеру?

Торговец почесал в затылке.

– Твоя правда. На диван положите. Сейчас аптечку принесу.

* * *

Минут через десять, когда Штопору была оказана первая помощь, Сидорович поманил сталкеров за собой, в смежную комнатенку, предварительно закрыв на хитрый засов массивную металлическую дверь.

– Покупателей сегодня явно не будет, – подмигнул он Гурону.

Усевшись на табуреты за столом, куда сердобольный наставник молодых сталкеров уже поставил бутылку водки и нехитрую закуску, они молча выпили.

– Ну, каким ветром вас ко мне занесло?

– Аномальным, – буркнул Гурон. – Ты в курсе, что в Зоне творится?

– Значит, за информацией пришли?

Инок кивнул.

– Две недели нас не было. Под выброс ночью попали, как раз когда периметр проходили, – скупко пояснил он. – Зона расширилась, ты в курсе?

– А как же. – Сидорович налил еще по одной. – Тут такие дела происходят, самого оторопь берет.

– Расскажешь?

– Услуга за услугу? – хитро прищурился торговец.

– Слепую не договариваемся, – покачал головой Инок. – Сначала информация, а там... решим, в общем.

– Ага, где-то я подобное уже слышал. – Сидорович опрокинул в себя стакан водки, крикнул, потянулся за огурцом. – Утром стулья, вечером деньги? Так говорили классики?

– Ты нас знаешь, – насупился Гурон.

– Ладно. Все равно слухами Зона полнится. А отделять истину от домыслов вам некогда, верно?

– Верно, – поддержал его Инок.

– В общем, разговор долгий. Рад, что ко мне заглянули, дело для вас есть. Но все по порядку.

В соседней комнате, застонав, пошевелился Штопор.

– Ага, в себя приходит. Тащите-ка его сюда. – Сидорович потер сухие ладони. – Ему тоже не вредно послушать, но сначала я задам гостю пару вопросов. А вы, ребята, не вмешивайтесь. Давние дела.

– Ладно, подождем. Разбирайся. – Инок с полным безразличием потянулся к открытой банке с тушенкой.

На Штопора, когда его привел Гурон, было жалко смотреть. Узнав торговца, ветеран как будто стал ниже ростом.

– Ну, что же ты? – Сидорович укоризненно покачал головой. – Законов наших не знаешь или наплевать на них решил?

– Я сталкерских законов не нарушал, – мрачно буркнул Штопор. – Группа погибла. Я один чудом выжил.

– Вот именно. – В глазах Сидоровича появился злой огонек. – А кто организовал вашу вылазку? Кто снаряжение и оружие в кредит выдал? Или ты не в курсе, что последний выживший обязан если не возместить ущерб, то хотя бы принести отчет заказчику? Жадный ты, Штопор. Жадный и глупый. Думал, я не узнаю ничего?

– Да не в себе я был! – резко, с вызовом ответил сталкер. – Говорю же – под выброс попал! Ничего не помню!

– Ну-ну. – Сидорович подался вперед, навалившись на стол. – А как два артефакта «черный маятник» в баре «Сто рентген» продал, по двести пятьдесят штук за каждый, тоже не помнишь? В невменяемом состоянии торговался? А потом из Зоны улизнул? На райские острова?

– Полмиллиона? – присвистнул Гурон. – Так чего ж ты назад в Зону вернулся, дурья башка? Ностальгия по аномалиям загрызла?

Штопор зло сверкнул на него глазами.

– Так, я тебя слушаю, продолжай, – напомнил о своем присутствии Сидорович.

Штопор сник. Присев на табурет, он глухо ответил:

– Испугался я тогда. Едва живой вышел. Тропа недалеко от базы «Долга» выходит, вот я и рванул, куда ближе. Зона меня за горло взяла, в башке поселилась! Я не думал ни о чем, кроме того, как побыстрее отсюда свалить!

– Допустим. – Сидорович скрестил руки на груди. – А потом, когда очухался на курортах, почто весточку не прислал? Так мол и так, Степан Сидорович, с головой проблемы были, теперь поправился, шлю должок.

– Проиграл я деньги, – скрепя сердце признался Штопор. – В казино все спустил. Будто затмение какое нашло...

– Это тебя Зона за жадность наказала, – веско изрек торговец. – Что теперь-то с тобой прикажешь делать?

– Да отдам я долг! И за себя, и за погибших! – Штопор вскочил. – Клянусь, отдам!

– Ох, сомневаюсь... Ты теперь кругом всем должен. Вон Иноку и Гурону, что не бросили тебя подыхать среди мутантов, мне, за давние грехи. А что у тебя есть? Шкура твоя дырявая? Мозги набекрень перекошенные?

– Я дорогу на Припять знаю! – выдохнул Штопор. – И еще там, в подземельях, тайник остался. В нем еще два «маятника».

– А не врешь опять?

– Да с чего врать-то?

– Ну, где два, там и четыре. Почему все не забрал?

– Страшно было, – признал Штопор. – Там такое под Припятью творится – до сих пор по ночам кошмары мучают. До тайника, где артефакты оставили, нужно было либо два квартала под огнем снайперов «Монолита» пробираться, либо снова в те гиблые подземелья уходить. Не смог я. Назад пошел.

Сидорович задумался. Плеснул себе водки, молча выпил, машинально, по старой привычке стал раскачиваться на табурете, потом вспомнил, что рядом сидят сталкеры, утомонился. В глазах искорки злые, щеку подергивает нервным тиком, но эмоции эмоциями, а дело – оно тонкого подхода требует. Вдумчивого.

– Ладно. Считай, что я поверил тебе. Только просвети уж, что такого в этом артефакте? Может, я тебе больше за него дам? Чтобы снова у тебя память не отшибло и не попутал, к кому идти надо?

– Он от воздействия контролеров защищает.

– О как! – удивился Сидорович. – А то я и думаю, с какого перепуга должовцы на Янтарь к ученым зачастили. Наемникам, что в диких землях обосновались, не слабо навешали, говорят, ученые им какой-то прибор сварганили, защищающий от пси-излучения. Выходит, «маятники», что ты принес, в жертву науке пошли... Зона видели как расширилась? – На лицо Сидоровича набежала тень. – А все твоих рук дело, Штопор!

– Я-то при чем?! – Сталкер чуть с табурета не свалился от неожиданного обвинения.

– При всем. Один «маятник» к ученым попал, другой к Стрелку. Слышал, наверное, о таком сталкере? Он с ним через радар прошел, к Припяти прорвался, а потом, как мне думается, и до Исполнителя Желаний добрался. Мутное дело. Но с него все проблемы, вся нынешняя чехарда в Зоне и началась. Не знаю, что он приволок с АЭС, но болел долго. Рассудок

почти потерял. Его болотный доктор выхаживал, потом пропал Стрелок куда-то. А месяца два назад приволокли мне едва живого сталкера, с разбившегося грузовика смерти. Худющий, в чем только душа держится. На руке странная татуировка S.T.A.L.K.E.R, в кармане КПК, а там одно активное задание: убить Стрелка. Не помнил он ничего. Всю память Зона сожрала. Некоторое время у меня побыл, пока не оклемался, потом ушел. Мы его Меченым прозвали.

– Ты нам зачем сейчас о нем рассказываешь? – удивился Гурон.

– Так вы ж с Иноком хотели знать, что в Зоне происходит? – Сидорович жуть как не любил, когда его перебивали.

– Молчу. Слушаю.

– В общем, так. – Сидорович вновь начал раскачиваться на табурете. – Мы с другими торговцами постоянно связь поддерживаем. Стараемся быть как бы вне политики местных группировок. Нас что по большому счету интересует? Правильно – артефакты. А где их больше всего образуется?

– Ближе к центру Зоны. На севере.

– Именно. Но дорогу туда Выжигатель Мозгов закрывал. Вот мы и искали обходные пути. Чтoб для вольных сталкеров тропку проторить, в обход Радара. Группа Брокера как раз на выполнении такого задания и погибла. – Сидорович снова налил, на этот раз всем, даже Штопору.

Выпили молча.

– Слушайте дальше, – закусив, продолжил Сидорович. – Теперь скрывать уже нечего, – таинственно добавил он. – Знали мы, что Выжигатель Мозгов на Радаре – не аномальное явление Зоны, а творение рук человеческих. Но тут логика простая. Если есть машина, то ее можно сломать либо выключить. Скооперировались мы с учеными, они некоторую информацию по секретным военным лабораториям нам подбросили, согласились даже прототип своего чудесного прибора нашему человеку выделить, с тем условием, что в этот прототип они устройство записи вмонтируют. Чтoбы сталкер, которого мы пошлем, сам того не подозревая, для них информацию о недоступных участках Зоны собрал. Мы на это рискованное дело Меченого подписали. Ходил ведь сам не свой, всех, кого ни встретит, валил, разве что сталкеров-одиночек не трогал.

Сидорович на минуту умолк, затем, кряхтя, встал, вышел в подсобку, вернулся оттуда уже с двумя бутылками водки.

– Знать бы, чем все закончится, десять раз бы подумал. – Он протянул бутылки Гурону. – Открывай.

Инок взглядом сделал знак товарищу: мне особо не наливай. Ясно, что кто-то должен сохранять трезвую голову, когда речь о таких делах зашла.

Штопор, напротив, выпил жадно, залпом, дернул кадыком и притих.

– В общем, Меченый справился, – икнув, продолжил Сидорович. – Отключил он два излучателя, один возле озера Янтарь, другой на Радаре. Открыл путь на север, к Припяти. Нельзя было этого делать. Все в Зоне как с ума посходили. Только ленивый не пошел туда. Все к Исполнителю Желаний начали прорываться.

– А «Монолит»? – осторожно уточнил Инок.

– Чтo «Монолит»? – безнадежно махнул рукой Сидорович. – Они хоть и того, – он pokrутил пальцем у виска, – на всю башку больные, но тоже смертные. Пули их берут не хуже, чем мутантов.

– Так в чем проблема заключается? – Инок, закусывая, внимательно посмотрел на захмелевшего торговца. – Проход к Припяти открыт, артефакты теперь к тебе сплошным потоком пойдут...

– Да где они, артефакты? – Сидорович вскочил, опрокинув табурет, распахнул дверь, ведущую на склад, указал на пустые стеллажи. – Видишь? Не возвращаются оттуда! Экипи-

ровки, оружия в долг набрали, ринулись за призрачным счастьем, а вышло все боком. Группировки, что раньше по своим базам сидели, редкими стычками ограничивались, теперь снова войну полномасштабную затеяли. Ведь сошлись как назло нос к носу, в секторе Радара да в Припяти, мимо ведь по пути к Саркофагу не проскочишь! Бьются друг с другом, как очумелые, а там еще снайперы «Монолита», да военные тоже на месте не сидят, намеренно подняли вертушки со спецназом и к Чернобыльской АЭС рейд устроили. Что там было... – Торговец зажмурился. – А потом Зона не выдержала. Выброс ударил вне устоявшегося графика. Кто там живой остался – не знаю. Даже думать об этом не хочется.

– Значит, по-твоему, нельзя было сложившийся годами баланс сил нарушать?

– Ой, что толку теперь пить боржоми, когда печень-то уже отвалилась? – зло зыркнул на Инока торговец. – Вон, – Сидорович указал скрюченным дрожащим пальцем на Штопора. – Он два «маятника» приволок. С них все беды и начались. Задним умом мы все горазды. А ты бы на моем месте устоял? Проход к Припяти, горы артефактов. Ну, грешен, захотелось всего и сразу. А Зона по-своему рассудила. Вот сижу теперь, водку глотаю. Сколько убытков...

– Сидорович, тормозни, – хмуро оборвал его Гурон. – Там нашего брата полегло – не сосчитать, Зона расширилась километра на три по всему периметру, а ты о шмотках.

– Так тебе шмотки, а мне, может, смысл жизни!

– Ну да. Кому война, а кому – мать родна?

– А ты не хами!

– Заткнись, Гурон. – Инок плеснул себе в стакан водки. – Позже поговорим. Так что конкретно ты хотел нам предложить? – повернулся он к Сидоровичу.

Тот горестно вздохнул.

– Местная сталкерская сеть накрылась. Изредка появляются обрывочные сообщения, но по ним толком ничего не понять. Утром весточка от военных пришла, есть у меня свой человек при штабе. Испугались они. Весь мир, кто понимает, ужаснулся расширению Зоны. Есть мнение, не мое, конечно, а оттуда, из-за кордона пришло, – накрыть аномальные территории массированным ударом.

– Сам что думаешь? Накроют?

– Не знаю. У страха глаза велики. Разведывательный рейд необходим. К АЭС не пошлю, там полный кавардак происходит, с утра вон уже четыре вертушки накрылись, да после выброса монолитовцы лютуют. Хотя бы до Припяти. Разведать, что там? Группу сталкеров, вышедших с Кордона, возглавлял Бес. Отыщите его. Он дальше Припяти не полезет. Не тот человек. В общем, не верит он в Исполнитель Желаний. У него ПДА особый, с мудреным маркером. Мне очень важно знать, что с группой приключилось. Ждать их назад или нет? Да заодно, раз такое дело, Штопора до тайника проводите.

– Пусть даст координаты, сами найдем, – ответил Инок.

– Нет, – в первый раз за все время разговора подал голос ветеран. – Я схрон не укажу. Место помню, но смутно. Увижу – узнаю. А объяснить не смогу.

– Ну? – Сидорович протрезвел. – Беретесь?

– А если Выжигатель Мозгов снова заработал?

– Ну, так проверить надо! О чем и речь идет!

– Сам не хочешь попробовать? – поинтересовался Гурон.

– Я ж не сталкер, – развел руками Сидорович. – Ну, не мне же вас учить! Зачем самим под Выжигатель лезть? Отмычку найдете. Только не Штопора! – Торговец перехватил взгляд Гурона. – Он дорогу к схрону указать должен.

– Жадный ты.

– Да, жадный! – снова завелся Сидорович. – Только ты, Гурон, мне не судья! Попробовал бы сам торговать в Зоне. Скольких сталкеров я от смерти на первых порах уберег?! Думаешь, лагерь на Кордоне содержать просто? Между двух блокпостов военных? Сам подумай!

– Все, хватит. – Инок отодвинул полупустую бутылку, исподлобья посмотрел на Гурона, затем на Штопора. – Я пойду, – внезапно объявил он. – Остальные решают сами. Твое мнение, Гурон?

– Хорошо хоть спросил, – ворчливо отозвался тот.

– Мы с тобой напарники, но, по сути, были и остаемся одиночками. Не нравится – разбежались. Решай сам.

– Да что решать? Не на Кордоне же отираться. Пойду.

– Штопор?

Тот долго молчал, затем кивнул через силу.

– У меня выхода другого нет. Обузой не буду.

Сидорович заметно повеселел, но его радость вновь омрачил Инок:

– Экипировка нужна. Как минимум три бронекастюма с замкнутым циклом жизнеобеспечения. Боеприпасы, медикаменты, спецсредства. Список я сейчас составлю.

– А вы с Гуроном, стало быть, нищие? – по инерции трепыхнулся торговец.

– Ну почему же сразу – нищие? Деньги есть. Но тогда за информацию будешь платить. И за артефакты дашь ту цену, что сами назначим.

– Нет, Инок, погоди, пошутил я!

– А ты не шути, Сидорович. Мы ведь не на прогулку собираемся. Хочешь по-честному, давай договариваться. Пятьдесят процентов за экипировку мы тебе заплатим. Штопору все выделишь в кредит. По возвращении мы тебе отдадим недостающую сумму, только без процентов, договорились?

– Ладно, – заставил себя кивнуть торговец. – Я вам контейнеры для артефактов дам. Бесплатно.

– Лучше вот это добудь, – Инок толкнул к нему листок, исписанный ровным каллиграфическим почерком.

Пробежав глазами представленный список, Сидорович опять скис.

– Почему «калаши»? – встрепнулся он. – И что это за маркировка патронов такая странная?

– Три автомата Калашникова, калибр 7,62, одна «СВД», – Инок был непреклонен. – Никаких натовских штучек. Оружие должно быть надежным и безотказным... как автомат Калашникова. Что касается патронов, не делай вид, что в первый раз видишь маркировку. Модифицированные боеприпасы к «АКМ» двух видов – бронебойные со стальным сердечником, и разрывные – это против мелких монстров. Напомнить, где их в Зоне производят?

– Сам знаю, – окончательно сдался торговец. – Есть у меня небольшой запас.

– Смотри, чтобы его на троих хватило, – предупредил Гурон.

– Погуляйте пока. Или располагайтесь тут, вздремните, пока я все необходимое добуду.

– Здесь останемся. Пара часов сна не повредит. Особенно Штопору. – Инок усмехнулся. – Где у тебя прилечь-то можно?

– А это вот сюда! – Сидорович открыл неприметную дверь, ведущую в небольшую комнату с двухъярусными армейскими кроватями. – Отдыхайте. Будет все готово – разбужу.

* * *

В путь собрались только ближе к вечеру.

Торговец не подвел, предоставил все необходимое, согласно списка, что дал ему Инок. Сталкеры экипировались долго и тщательно, подгоняли бронекастюмы, собрали и разобрали новенькие, ни разу не использованные в бою «АКМ».

– Ба, даже подствольные гранатометы, – скупое удивился Гурон. – Полезное приспособление.

– Особо под пули-то не подставляйтесь. – Сидорович крутился подле сталкеров, внимательно наблюдая за их приготовлениями. – Встроенная в экипировку автоматическая система работает как армейская аптечка, только ресурс у нее побольше, – стал вдруг пояснять он.

– Степан Сидорович, ты сейчас о нас или о бронекостюмах печешься? – беззлобно поддел его Гурон. – Ты лучше за нас переживай. Экипировка своим ходом к тебе ведь назад не придет, верно?

– Да переживаю я за вас! Переживаю!..

– Только много не пей, – поддержал Инок товарища.

– Да ну тебя... – отмахнулся торговец. – Вот куда собрались, на ночь-то глядя?

– Небезопасно тут. Военные нагрянут, тогда что?

– И то верно. – Торговец почесал в затылке.

– Ладно, Сидорович, пора нам закругляться. – Инок встал. – За экипировку рассчитаемся, как договорились. А вот на это, – он протянул торговцу несколько мятых банкнот, – ящик водки, коробку мясных консервов и патронов к «калашникову» до полной суммы.

– Не вопрос. – Толстый палец торговца ткнул в клавишу старенького интеркома. – Болт, сейчас на склад сталкеры зарулят. Отпустишь им товар по списку. Да, бумажку с ними отправляю. Не тупи, там все написано будет! – Сидорович отпустил клавишу, словно та стала вдруг горячей. – Вот молодежь пошла... Только жрать да стрелять умеют.

Гурон со Штопором переглянулся. Оба не понимали, зачем Иноку вдруг понадобилось столько водки, да и патронов вроде хватало, но от выяснения отношений в присутствии торговца воздержались. И лишь покинув душный, пропитанный неприятными запахами бункер Сидоровича, Гурон осторожно поинтересовался:

– Инок, ты не напутал чего?

– Нет, – ответил тот, подойдя к складу – покосившейся хибаре. Внутри царил сумрак, но под прогнившими половыми досками, сквозь неплотно притворенный квадратный люк из обширного, явно не так давно забетонированного подвала пробивались лучики света, в которых тонкими срезами витиеватых узоров клубилась мелкая пыль.

Присев, Инок постучал кулаком по люку.

– Ну, кто там барабанит? – донесся снизу приглушенный голос.

Через пару секунд под скрип несмазанных петель в открывшемся проеме возникла физиономия Болта – упитанного веснушчатого детины. Инок молча протянул клочок серой оберточной бумаги, на которой торговец криво нацарапал список оплаченного товара.

– Шас. – Голова исчезла, в подвале что-то звякнуло, затем через оставленный открытым люк вверх торжественно поднялся ящик водки.

– Гурон возьми, понесешь. – Инок без дальнейших пояснений легко приподнял ящик и передал в руки ничего не понимающего сталкера. – А это тебе, Штопор. – Коробка с тушенкой перекечевала в руки ветерана. – Тут недалеко, не надорвешься, – успокоил его Инок, рассовывая по кармашкам разгрузки пачки патронов к автомату Калашникова.

Люк в полу с лязгом захлопнулся.

– Вечереет... – Гурон недовольно посмотрел по сторонам. Молодежи из числа начинающих сталкеров он не заметил, лишь у костра, разведенного в ржавой, врытой в землю бочке сидели на корточках два худощавых типа неопределенного возраста, оба в простых дерматиновых куртках, толком не способных защитить даже от дождя, не то что от пули или воздействия аномалии.

«Видно те самые, „ленивые“, о ком толковал Сидорович», – подумал он.

Штопор, шагавший вслед за Иноком, вдруг остановился.

– Нет, так дело не пойдет! – Он поставил на землю картонную коробку с тушенкой. – Во-первых, я тебе в носильщики не нанимался. Во-вторых, куда премся на ночь глядя?

– Я веду вас в безопасное место. Штопор, ты уймись, пока по-хорошему прошу. Сидорович на ночь в своем бункере запрется, но нам в его норе ночевать не с руки. Я же сказал – военные нагрянут, особо разбираться не будут, кто тут хозяин, а кто гость.

– Ну, в лагере бы остались!

– А с кем там ночь коротать? Сам видел, на всю деревню пара молодых сталкеров да Болт со склада. С ними от мутантов отбиваться будешь? Или ты прямо сейчас хочешь выяснить, кто в группе главный?

– Не против, – оскалился Штопор.

– Главных нет. Мы – одиночки. Пока решили держаться вместе, каждый старается для всех, в силу своих способностей. Сегодня я веду вас в безопасное место, завтра, быть может, ты поведешь, это как сложится. Так что бери коробку и пошли, если не хочешь от кровососов всю ночь по подвалам прятаться.

– Да куда идти-то?

– За мной. Объяснять дольше, чем топать. Сам все увидишь. – Инок развернулся и пошел, не оглядываясь, забирая левее железнодорожной насыпи, которая еще просматривалась в нескольких километрах от деревни, несмотря на быстро сгущающиеся сумерки.

Гурон, не принимавший участия в разговоре, молча последовал за Иноком, и Штопору ничего не оставалось, кроме как выругаться, поднять коробку с тушенкой и двигать ногами.

Кордон выглядел странно. Вроде ничего радикально не изменилось за два с небольшим года – вон знакомый вагончик у дренажной трубы, вдалеке, в таком же дренаже, только расположенном под железнодорожной насыпью, искрит электра, в низине, тихо поскуливая, бродят псевдособаки... И все же что-то не так. Не видно лагеря бандитов, располагавшегося в развалинах бывшей агрофермы, темно там, ни огонька, ни голоса... Раньше идешь дорогой, так постоянно озираешься, братки там оборону держали крепко, периодически пощипывая сталкеров, несших хабар к Сидоровичу.

Штопор чувствовал, что снова начинает нервничать.

Тишина напрягала. словно внезапно вынырнул из Зоны в какое-то другое, тоже аномальное пространство...

Под ногами что-то хрустнуло, он остановился, коснулся сенсора, активирующего встроенный в экипировку ПНВ, и невольно попятился.

Кости. Не человеческие – страшнее.

Череп контролера Штопор видел лишь однажды на базе ученых, у озера Янтарь, но запомнил на всю жизнь. Тут же в траве их белело три штуки, все начисто обглоданные псевдособаками. Но погибли кошмарные творения Зоны отнюдь не от зубов мутантов – у каждого в массивной, нависающей над пустыми глазницами лобной кости красовалось по аккуратному пулевому отверстию.

Штопор невольно присел.

«Да разорви вас всех аномалия!.. – панически подумал он. – Видал я уже одного снайпера со съехавшей набекрень крышей, был такой на болоте неподалеку от военных складов. Там минное поле по краю трясины, да еще и радиация, просто так не подберешься, сколько крови тот безумец попортил...» Здесь же, глядя в огромные, пустые глазницы контролеров, Штопор вмиг представил стрелка, хладнокровно снявшего трех опаснейших исчадий Зоны, и внутренне содрогнулся. У парня либо вовсе нервов нет, либо он блаженный...

Обойдя от греха подальше жуткие черепа, он быстро нагнал Инока и Гурона, благо те не успели уйти далеко, остановились у подножия холма, густо поросшего кустарником.

На холме, где раньше шныряли кабаны да густо гнездились аномалии, может кто-то теперь и обитал, но обнаружить признаки стоянки или лагеря Штопор не сумел. Даже дымком от костра не тянуло, и сколько он ни вглядывался в густые заросли изуродованного мутациями дикого шиповника, не заметил ни отсвета костра, ни тени. Пусто, тихо, непонятно.

Наверх уводила единственная тропка, настолько узкая, что ее можно было и не заметить, проходя мимо.

– Оставайтесь тут. – Инок пошел по направлению к тропе, насвистывая себе под нос незамысловатый мотивчик сталкерской песни. Штопор не помнил ее слов, но мелодия была хорошо знакома любому обитателю Зоны, если он человек, конечно.

Прелюдия к безопасной ночевке более чем странная.

Гурон поставил ящик на землю, присел на корточки, положив снятый с предохранителя автомат на колени. Штопор сделал то же самое. Нечего маячить. Фигура Инока растворилась во мраке, но вокруг и без того было, на что посмотреть.

У подножия холма в траве темнело с десятков воронок, оставленных разрывами гранат, и Штопор из чистого любопытства переместился на пару шагов, заглянув в одну из них.

Лучше бы он сидел на месте.

В луже скопившейся на дне углубления стоячей воды виднелись тусклые россыпи гильз и валялся, скалясь в черное небо, полуразложившийся труп, в экипировке наемника. Ладно бы бандит, а то наемник... По спине пробежал холодок. Надо же, кого теперь на Кордоне валят. Не мудрено, что лагерь боевиков стоит пустой, заброшенный. С этой высоты он для снайпера как на ладони. Впрочем, чего удивляться после останков контролеров, виденных неподалеку? Штопор чувствовал, что после двухлетнего перерыва ему придется заново привыкать к Зоне, проходить вторичную ломку, намного более страшную, чем та, что он пережил, отвыкая от сталкерских замашек.

В другие воронки он заглядывать не стал. И без того веко вдруг начало подергиваться, не хватало еще, чтоб кто-нибудь заметил.

Из темноты медленно выдавился силуэт Инока.

– Порядок, договорился, – скупко сообщил он. – Только предупреждаю: в гостях вести себя тихо.

– Веди уж, – буркнул Штопор. – Не маленькие, правила знаем.

* * *

Узкая тропа, проложенная через заросли колючего кустарника, трижды обогнула холм по спирали, прежде чем вывела трех сталкеров к вершине.

Только теперь стало понятно, почему лагерь невозможно обнаружить, находясь у подножия возвышенности. Верхняя часть холма была срезана да еще углублена почти на метр, так что по краю обширной площадки образовалось кольцевое укрепление, на внешней стороне которого как ни в чем не бывало густо разросся шиповник. Стрелковые ячейки, оборудованные по всем правилам военного искусства, врезались в склон через каждые два метра, так что обороняющиеся получали перекрывающие друг друга сектора обстрела, оставаясь при этом под маскирующим прикрытием кустарника.

Брать штурмом такую высоту без поддержки вертолетов и артиллерии – занятие гиблое, но по достоинству оценить линию круговой обороны Штопору и Гурону удалось чуть позже, когда прошел первый шок от визуального знакомства с хозяевами нетрадиционного для Зоны укрепления.

Подле очага, представлявшего собой обложенную плитняком яму, в которой бездымно рдели жаркие угли, сидели либо лежали, устроившись в расслабленных позах, полтора десятка калек.

И выдавший всякое Гурон, и вечно чем-то недовольный Штопор попросту онемели, одновременно подумав об одном и том же: Зона никогда никого не отпускает. Убивает – так насмерть, а удачу дарит живым.

Конечно, ходили упорные слухи о Болотном Докторе – этого не отнять, но тот врачевал раны, поддающиеся усилиям полевой хирургии, а вот покалеченных сталкеров в Зоне никто не встречал.

Гуруна проняло не на шутку, дрожь пробила до самых костей, что-то сломалось в привычном, стереотипном восприятии смертельной опасности, подстерегающей на каждом шагу. Жуткая, оборотная сторона ежедневного риска вломила в рассудок пульсирующей мыслью: не приведи меня господи, чтобы вот так... *не насмерть*...

Багряные отсветы от рдеющих углей бросали кровавые блики на суровые лица, как будто обожженные Зоной... лица тех, кто волей судьбы оказался сильнее смерти, но потом, догорая уже дотла, успел пожалеть, что выжил.

Десятое чувство подсказывало: тут нет слабых или малодушных. У кого-то не хватало руки, кому-то гранатой либо аномалией изувечило ногу, один из сталкеров, одетый в униформу Долга, и вовсе был слеп, но всех сидящих подле жаркого очага объединяло спокойное, уверенное выражение лиц, будто они, пережив страшную милость судьбы, упав на самое дно отчаянья, узнали нечто сокровенное, недоступное для обыденного понимания...

– Ну, что застыли? – Могучий сталкер с порыжевшими обвислыми усами, лишившийся в неведомой передрыге обоих ног, неловко подвинулся, освобождая место. – Присаживайтесь к теплу. Инок за вас поручился, отдыхайте, никто не тронет.

– Илья, куда поставить? – спросил у него Инок, взглядом указав на ящик и коробку.

– А под навес пусть отнесут, – отозвался тот.

Гурун и Штопор оглянулись. На их лицах отразилось недоумение. Два приземистых строения, сооруженные из досок и прикрытые сверху непромокаемой тканью, служили приемлемым укрытием от непогоды, но разве они спасут от выброса?

– Ты понимаешь что-нибудь? – тихо спросил Гурун, пока они несли ящик и коробку к ближайшему навесу.

– Нет, – сипло признал Штопор, – других-то укрытий не видно. Как они живут?

– А вы там не перешептывайтесь, – внезапно произнес слепой долговец. – Хотите что спросить – спрашивайте. У меня слух такой, что за полверсты крадущегося кровососа услышу.

Штопор побледнел. Гурун, впрочем, выглядел не лучше.

Кое-как пристроив ящик и коробку, они вернулись к очагу, где Инок, присев на корточки, раздавал пачки с патронами. Никто не отказывался. Напоследок Инок достал два снаряженных магазина для «СВД» и негромко позвал:

– Адепт!

Из сумрака, сгущающегося в районе стрелковых ячеек, послышалась возня, затем в круг неяркого света ступил... монолитовец!

Руки и ноги у него были на месте, но выражение лица казалось мертвым, лишенным эмоций, словно оболочкой плоти двигала неведомая сила, в то время как рассудок бывшего члена группировки «Монолит» находился где-то далеко, погруженный в мир неведомых простому смертному грез.

«Вот он, блаженный снайпер, уложивший контролеров...» – подумал Штопор, присаживаясь, как выразился Илья, к теплу.

– Расслабься, – посоветовал ему один из сталкеров, протягивая левую руку. – Артур.

– Штопор.

– Гурун.

– Ну, вот и славно. У нас спокойно переночуете. Знаю, сидеть ночью лицом к огню, спиной к Зоне – смерть свою кликать, но тут... все не так. Прикрыты наши спины надежно. Ни одна тварь не подберется.

– Это как? – искренне удивился Гурун, не заметивший среди экипировки сидящих подле очага ни одного ПДА.

– А нам теперь побрякушки разные ни к чему, – перехватив его взгляд, ответил Артур. – Мы сами – аномальное явление. Зона нас искалечила, да не добила, теперь вот тварей разных шлет, да без толку.

– А выбросы? – не удержавшись, спросил Штопор.

На минуту воцарилось молчание, потом Илья негромко произнес:

– С ума сходят те, кого страх изнутри гложет. Зона – она чувствует... А нам чего страшиться? Хлебнули до краев, и ужаса, и равнодушия человеческого, и боли невыносимой. Те сталкеры, которые когда-то артефакты искали, друзей за хабар убивали да выбросам кланялись – сгинули. Это я про нас. Нет больше таких. Да и на родине уже могилки давно насыпали, фамилии да дату смерти нацарапали. Умерли мы. Только имена вот остались.

– Выбросы стороной холм обходят, – видя недоверие на лицах Гурона и Штопора, произнес Инок. – Сам был свидетелем.

– Неужели совсем не страшно?

– Мы о другом думаем, – ответил Илья. – О друзьях, что где-то в Зоне выброс переживают. О тех, кого помним. Поначалу мы тоже прятались. Потом как-то не успели. Внезапно все произошло. Собрались в круг у костра, сидели, помнится, молча, не проклинали судьбу, как прежде, а вспоминали в последний раз тех, кто был милосерден к нам.

– И что? – затаив дыхание, спросил Гурон.

– Мимо пронесло. Рядом с холмом аномалии бесновались, ветер едва деревья не валил, а тут – ни ветринки. Так и минул выброс. С тех пор не прячемся. Только знает теперь о нас Зона. Зверье напускает, людишек продажных.

– Снайпер у вас жутковатый, – поежился Гурон.

– Да он вообще-то безобидный. Себя не помнит. Но стрелок действительно классный.

– А из Зоны почему не ушли? Чем живете-то без хабара? – спросил примолкший было Штопор.

– Куда же нам податься? – пожал плечами Илья. – Кто нас, калек, дома ждет? Да и как без Зоны? Там, за кордоном, разве жизнь? Где за лицом души не видать? А хабар нам ни к чему. Загляни под навес, там всего хватает. Молодые сталкеры, кто поумнее, сюда к нам приходят. Мы их учим, как в Зоне выжить, простые примеры приводим, те, кто слушает, потом возвращаются... живыми, ну и несут от Сидоровича – кто патронов, кто консервов... В общем, не бедствуем.

– А Инок? – ляпнул Гурон, заметив, что тот отошел к дальней стрелковой ячейке, понес кому-то последнюю пачку патронов.

– Что Инок? – хитро прищурился Илья.

– Ну, он тоже у вас здесь учился?

– А ты у него сам спроси. Захочет – ответит.

Через некоторое время начал накрапывать дождь.

Сменились часовые в стрелковых ячейках, к очагу подсел жутковатого вида монолитовец – человек без прошлого, без настоящего, забывший себя Адепт странной веры в неколебимое могущество Монолита, в то, что мифический черный параллелепипед действительно исполняет любое желание верящих в него сталкеров.

И Гурон, и Штопор почувствовали себя неудобно.

– Спать пора. – Гурон не выдержал первым. – Завтра чуть свет в дорогу.

– И то дело, – поддержал его Штопор. – Инок, ты где?

– Укладывайтесь. Я сейчас, – раздался из темноты голос сталкера.

– Ну, смотри. Утром носом клевать будешь.

– Да сказал же – иду.

Дождь усилился. Штопор с Гуроном забрались под навес, Инок же остался с Ильей, которому выпала очередь дежурить.

– Спокойно у вас.

– Ну, это кому как, – усмехнулся Илья. – Вон товарищам твоим, видно, не по себе.

– Спрашивали обо мне?

– А как же. Только мы чужие тайны умеем хранить. Тяжело тебе?

– По-разному, – ответил Инок. – Но Зона ведь не отпустит, сам знаешь.

– Осторожнее с этим Штопором, – внезапно предупредил Илья. – Мутный он. Не хочу, чтобы тебя снова с тремя пулями к нам принесли.

Инок лишь усмехнулся в ответ. Его короткие, выстриженные ежиком, высветленные аномальными осадками волосы влажно блеснули в сумраке.

– За предупреждение спасибо. Как вернемся из рейда, обязательно к вам загляну. Вот, – он вытащил из герметичного клапана разгрузки, надетой поверх кевларового бронежилета, флешку. – Сидорович просил передать. Там последняя информация по событиям в Зоне. Ты смотри, а я спать пойду. Действительно вставать рано, да и путь неблизкий.

– Куда хоть собрались?

– В Припять.

* * *

Утро выдалось хмурым и стылым. Над землей стелился туман, в молочной пелене тонули контуры покосившихся строений, лишь железнодорожный мост как будто висел над дорогой, соединяя высокие насыпи.

– Блокпост все еще на прежнем месте? – Штопор, не выпавшийся и злой, выглядел бодро, акклиматизация, похоже, завершилась, ветеран окончательно втянулся в обстановку, шагая наравне с Гуроном и Иноком.

– Был на месте, – ответил Инок. – Сейчас ближе подойдем, узнаем.

Там, где под железнодорожным мостом проходила автомобильная дорога, в теснине высилось нагромождение ржавой техники, валялись несколько бетонных труб незавершенной дренажной системы, среди кажущегося хаоса удобно и неприметно расположился навес, прикрытый маскировочной сетью.

В утренней тишине внезапно ударило несколько автоматных очередей, в ответ раздались одиночные pistolетные выстрелы.

Инок поднял руку, останавливая движение группы.

Молочно-белый туман скрывал позиции блокпоста, лишь встроенная в бронекостюмы система тепловидения давала некоторое представление о происходящем.

Сталкер-одиночка затаился под крышей полуразрушенной фермы, метрах в ста от железнодорожной насыпи. Двое военных медленно подбирались к нему, перебегая от дерева к дереву, вдоль дороги.

– Самоубийца он, что ли? – проворчал Штопор.

– Нет. – В глазах Инока промелькнули задорные искорки. – Автомат ему нужен. С pistolетом на блокпост не полезешь, вот и выманивает вояк на себя.

– Валим их? – озабочился Гурон.

– Нет. Сам справится. Штопор, давай на насыпь, бегом! Отсканируй блокпост, пока туман не рассеялся и тепловизоры нормально работают. Мы прикроем. Если военных больше нет, дашь знать, проскочим на ту сторону.

Штопор без возражений выполнил приказ. Едва его сгорбившаяся фигура исчезла в тающей молочной пелене, как у заброшенной фермы начался новый акт затеянного неизвестным сталкером представления.

Двое военных уже подобрались почти вплотную к зданию. Серьезная ошибка с их стороны, мысленно отметил Гурон, с интересом наблюдая за развитием событий. Засевший на чердаке сталкер сумел настолько разозлить вояк, что выманил их на дистанцию эффективного пистолетного выстрела, оставаясь вне досягаемости автоматных очередей, что наглядно и продемонстрировал, на пару секунд показавшись у чердачного окна. Три ударивших подряд выстрела свалили офицера. Ни одна пуля даже не задела бронежилета, все три попадания пришились в ноги. Сталкер действовал хладнокровно и расчетливо, но ощущался в стремительном развитии ситуации какой-то запредельный, губительный азарт.

Второй военный отпрянул за ствол дерева и шарахнул по чердаку длинной очередью.

– Не трать мои патроны, сука! – раздался оттуда хриплый голос.

– Это почему они твои? – взъярился военный, вновь щедро прошив крышу покосившегося здания автоматным огнем. Вниз полетели куски расколотого шифера, и в воздухе повисли облачка мелкой трухи от простреленных навывлет, порядком истлевших деревянных балок.

– Пулю в лоб схлопочешь – будут мои! – раздался ответ сталкера.

Гурон усмехнулся.

– Далеко пойдет мужик.

– Угу... – согласился Инок. – Если Зона его не остановит.

Сухо щелкнул включившийся коммуникатор шлема.

– Чисто, – доложил Штопор.

– Гурон, вперед.

Фигура напарника исчезла в тумане, а через минуту пришел его доклад:

– На позиции. Прикрываю.

Инок побежал в направлении блокпоста. Хотя бег в бронекопте трудно назвать бегом, скорее это напоминает размашистый быстрый шаг – неизбежная плата за дополнительную защиту.

Сзади грохнуло еще несколько пистолетных выстрелов.

Автоматы молчали. Инок мысленно понадеялся, что сталкер не станет добивать незадачливых вояк – заберет оружие и оставит им хотя бы одну аптечку на двоих.

Глупая, неуместная жалость?

Нет. Инок достаточно повидал жестокости, сам хладнокровно убивал, когда того требовала ситуация. Но в данном случае он поступил бы именно так – оставил им аптечку, забрал оружие, боеприпасы и ушел бы своей дорогой.

Зона – она чувствует каждого. И не приветствует бессмысленных убийств.

* * *

За железнодорожной насыпью сельский, почти пасторальный пейзаж Кордона стал понемногу видоизменяться, как бы предупреждая сталкеров о приближении к границам Свалки – территории, куда после первой Чернобыльской катастрофы вывозили зараженную радиацией технику, сбрасывали сотни тысяч тонн различного радиоактивного хлама.

Ржавая растительность раскинулась редколесьем по пологому склону холма. Воздух меж изуродованных, перекрученных стволов приземистых деревьев местами искажался, выдавая наличие аномалий.

Побитый кислотными дождями, порядком поржавевший гусеничный трактор косо застыл на середине склона. Зачем он пытался вскарабкаться на холм перед тем, как остановиться навеки, уже не узнаешь – скелет водителя так и остался в кабине, привалившись лбом к треснутому в мелкую паутину стеклу.

Низкие, косматые тучи клубились над головой, время от времени роняя хмурую морось дождя. От болотца по ложбине тянулось марево испарений, а ветер, хоть и не сильный, пробирал до костей.

Ветер Зоны... Он ощутим всегда. Поначалу на него не обращаешь внимания, затем, если выжил в первые дни пребывания тут, он становится вечным спутником, постоянным напоминанием – то бросит в лицо шуршащий ворох пожелтевших листьев, то закрутится в опасной близости мгновенным смерчем, то просто вяло дует в лицо, как от него ни отворачивайся. Вот и сейчас пахнул чем-то терпким, до боли знакомым и одновременно настораживающим – словно принес, бросил запах и, забавляясь, унесся прочь, поднимая по ходу паутину ржавых волос, опутавшую высохшие на корню деревья.

– Свалкой пахнет. – Гурон натянул дыхательную маску, Штопор и Инок молча последовали его примеру.

Корявый лес, полный очагов аномальной активности, они обошли стороной.

Сразу за поворотом дороги открылась панорама высоких, уже оплывших от времени гор мусора, из которых словно изломанные руки торчали бетонные балки, куски арматуры, треснувшие чугунные трубы. Окрестности достаточно сильно фонили, заставляя встроенные в экипировку дозиметры нервно попискивать.

– Звук убрать, – приказал Инок.

Писк тут же смолк.

– Тишина необычная. – Он посмотрел по сторонам и добавил: – Мертвая.

Действительно, звуков на Свалке всегда хватало с избытком. Многие новички справедливо побаивались этого места. Здесь постоянно вспыхивали спонтанные стычки между боевиками бандитских группировок и сталкерами-одиночками, стрельба за редкими исключениями не прекращалась ни днем, ни ночью. Фактически данный регион Зоны Отчуждения не контролировал никто, хотя на севере, перед границей Диких Территорий, существовал стационарный блокпост группировки «Долг». Двигаясь на запад, отсюда можно было попасть в Темную Долину, где прочно обосновались крупные банды, на восток уходила дорога, ведущая к заброшенному комплексу НИИ «Агропром». Таким образом, Свалка являлась своеобразным перевалочным пунктом, развязкой направлений, здесь постоянно кто-то находился, порой десятки сталкеров одновременно направлялись по своим делам, кто-то оставался тут, занимаясь сбором артефактов среди радиоактивных отвалов огромного технокладбища, кто-то следовал транзитом в иные области Зоны, мутанты, как и боевики бандгрупп не оставляли без внимания ни первых, ни вторых, стремясь урвать себе кусок добычи.

Инок некоторое время прислушивался.

Ни одного выстрела, лишь ветер воет в обрывках проводов. Несмотря на пасмурное небо, над скелетами полуразрушенных промышленных зданий повисло похожее на смог марево – это в недрах исполинских отвалов шли медленные, непрерывные процессы химических реакций, выделяющие не только тепло, но и различные побочные продукты, в большинстве газообразные и токсичные.

– Ну что? – Штопор вел себя достаточно сдержанно, однако необычная тишина угнетала, вызывая ощущение притаившейся где-то рядом смертельной опасности. Все трое давно сняли оружие с предохранителей, сдвинув переводчики огня в положение «автомат». – Как пойдем?

– А что, есть варианты? – вопросом на вопрос ответил Инок, продолжая следить за окрестностями.

– Давай, Штопор, колись. – Гурон поежился. – А то не нравится мне эта тишина.

– За плиты, – отдал скупой приказ Инок. – Там поговорим.

Они, прикрывая друг друга, контролируя взглядом все направления, перебежали под прикрытие сложенных стопками бетонных плит. Здесь, в узких коридорах меж штабелированными стройматериалами, было легко отбиваться от любого противника.

– Ну, так что, Штопор? – Инок занял позицию, контролируя левый проход, Гурон блокировал узкую расселину справа, ветерану достался тыл.

– Тропа, ведущая к Припяти, начинается тут, – глухо проинформировал ветеран.

– Где именно? Что представляет собой? Насколько по ней опасно идти? – Инока раздражало, что приходится задавать наводящие вопросы. – Штопор, ты не темни, наши жизни теперь одной веревочкой связаны.

– Да я не темню! Тропа начинается неподалеку от блокпоста «Долга».

– И как же она обходит сразу четыре сектора? – Инок имел в виду Дикие Территории, непосредственно базу группировки «Долг», военные склады и пресловутый Радар. Мысленно представив карту Зоны, он не нашел приемлемого окольного пути.

– Тропа на самом деле – тоннель. Он проходит под свалкой и ведет в Припять, – пояснил Штопор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.